

The background is a vibrant blue, framed by a border of stylized red and orange hibiscus flowers. In the top left, a pair of silver handcuffs is attached to a key. In the top center, two gold pens are positioned diagonally. In the top right, another pair of silver handcuffs is shown. The overall aesthetic is that of a classic pulp magazine cover.

детективная мелодрама

Галина РОМАНОВА

*Черт
из тихого
олу́та*

Галина Владимировна Романова

Черт из тихого омута

Серия «Детективная мелодрама»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167407
Черт из тихого омута: Эксмо; М.: 2004
ISBN 5-699-08864-4, 978-5-699-22274-2*

Аннотация

Разве могла предположить Соня Перова, девушка из хорошей семьи, что ее скромная персона привлечет к себе внимание неведомого врага? А такой враг у Сони явно имеется: сначала кто-то навязывает ей коробку, в которой оказались наркотики, а затем... девушка попадает в тюрьму! Ее обвиняют в убийстве неизвестного ей человека. Милый привычный мир рушится... К тому же возлюбленный Сони ведет себя так странно, что все больше становится очевидным – он участник или даже инициатор этих криминальных событий. В дело вмешивается таинственный незнакомец, оказавшийся наемным убийцей. Чем старательнее пытается Соня понять, что же происходит, тем сильнее запутывается. Неужели ей так и не доведется узнать, кто все это подстроил?..

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с

этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	37
Глава 4	46
Глава 5	57
Глава 6	64
Глава 7	70
Глава 8	74
Глава 9	85
Глава 10	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Галина Романова

Черт из тихого омута

Глава 1

У Софьи Перовой имелось три жизненно важных правила, которым она никогда и ни при каких обстоятельствах не изменяла.

Первое правило – вынесенное ею из детства вместе с колыбельной и сказками про Карлсона: никогда не разговаривать с незнакомцами.

Правило второе – очень удачно помогающее ей избегать проблемных ситуаций в жизни: никогда не совать нос в чужие дела.

И правило третье – очень плавно вытекающее из первых двух: никогда и ни при каких обстоятельствах не позволять навязывать себе ненужных ситуаций.

Руководствуясь этими правилами, Софья Перова беспроblemно дожила до двадцати четырех лет и через неделю готовилась встретить свое двадцатипятилетие.

– Сонечка, нужно купить еще майонеза! – беспокоилась ее мама, Вера Ивановна Перова, детский врач их районной поликлиники. – Вдруг Стуколовы нагрянут... И сыра мало, кажется. Ты как думаешь, детка?

Детка никак не думала. Детка была абсолютно и безмятежно счастлива в лоне любящей ее семьи. Она знала, что мама сделает все правильно. Папа ей поможет. И первого ноября – в день ее рождения – стол будет ломиться от яств. И гостей будет полон дом. И будет много подарков и искренних теплых слов в ее адрес. А потом они останутся вдвоем: она, мама и папа. Будут долго разбирать подарки. Потом начнут убирать со стола. Папа расставит тарелки в посудомоечной машине – его подарок маме к годовщине их свадьбы. А Соня с мамой накроют свое собственное застолье не в гостиной, а уже в кухне.

Они рассядутся каждый на свое место. Папа в самый угол, под кашпо с пышными гроздьями полосатой традесканции. Мама рядом с ним. А Соня напротив них, таких родных и любящих друг друга, и прежде всего ее – свою единственную дочку. Они будут пить чай с оставшимся от торжества тортом и долго и мило беседовать.

И Соне будет так хорошо, тепло и уютно с ними рядом. Так мирно и надежно, что захочется сладко замурлыкать, уткнувшись в их родные плечи. У нее, кстати, с раннего детства ощущение счастья было именно таким: теплым и уютным. Все свои двадцать пять неполных лет она прожила, укрывшись родительской заботой и любовью, словно огромным пуховым одеялом, из-под которого не хочется высовывать нос ни при каких обстоятельствах...

Все это будет уже через семь дней. Пять дней рабочих и

два выходных. И в следующий понедельник... Уже в следующий...

– Перова! – визгливый голос Татьяны Ребриковой, старшего программиста из отдела АСУП, вывел Соню из благостных мечтаний. – Что там с компьютером из материального отдела? У них сроки по квартальному отчету летят ко всем чертям, а ты в окно таращишься! Чего ты там всякий раз находишь интересного, не пойму!

Где ей было понять – взнуданной жизненными проблемами тетке в потном измятом форменном халате – правильную и нежную Софью Перову! И не увидит она никогда за окном того, что видит Софья. Потому что мысли ее постоянно заняты тем, как не опоздать сегодняшним вечером на электричку, а перед этим успеть обежать все магазины, заскочить к больной матери и оставить ей продуктов на день-другой. А потом тащиться еще километров сорок в переполненном вагоне и выходить в темную осеннюю слякоть с сумками наперевес. Притащить затем их в свой крохотный домик в пригородном поселке и тут же кидаться к плите, и начинать стряпать ужин на сегодня и завтрак с обедом на следующий день для мужа и сыновей...

Нет, такие женщины никогда не увидят в нежном трепете последнего кленового листа за окном ничего романтического. Скорее посетуют на то, что сейчас этот самый лист сорвется с озябшей ветки и непременно прилипнет к окну и останется там до заморозков. А потом тут же забудут о нем,

с головой окунувшись в рутину повседневных дел.

Софья Перова никогда не позволит жизни совершить с собой подобные метаморфозы. Она не станет делать химических завивок, как Татьяна Ребрикова, и никогда не будет носить измятый, пахнущий потом халат, потому что так удобно и не требуется дополнительных усилий на то, чтобы выглядеть прилично. Она не станет носить с собой в сумке бутербродов с домашним салом и колбасой и вонять ими потом на весь кабинет. И уж, конечно же, она никогда не выйдет замуж за такого неудачника, как муж Татьяны.

Самого его Соня никогда не видела, но наслышана была предостаточно. И то, что девушка слышала, ее страшно изумляло. Нет, ее избранник не будет вынужден искать работу по полгода, а потом тут же увольняться только из-за того, что кому-то не понравились его старые нечищенные ботинки. И уж, конечно же, ее будущий супруг не позволит ей жить в таком захолустном местечке и в таких условиях, в которые загнал свою семью муж Татьяны Ребриковой.

Вообще-то Соня против своей начальницы ничего такого не имела. Просто достаточно часто соприкасалась с ней в процессе своей трудовой деятельности, гораздо чаще, чем с другими женщинами в их управлении, потому и внимание ее акцентировалось исключительно на ней. А что до других... До других ей просто-напросто не было дела. В предпраздничных вечеринках она участия никогда не принимала, поспешая домой к маминым пирогам и задушевым папиным

беседам. На откровенные ухаживания коллег по работе она недоуменно пожимала плечами. А для того, чтобы с кем-то сблизиться просто на дружеской ноте, у нее не хватало ни времени, ни желания.

– Софья! – голос начальницы ударил по барабанным перепонкам. – Иди сюда немедленно!

Перова выбралась из своего рабочего закутка и, красиво переступая аккуратными ступнями в дорогих, ручной работы ботиночках, поспешила на зов.

– Если звонят из материального, то скажите, что у меня все готово, – поспешила опередить Татьяну Ребрикову Соня, покорно склоняя головку к правому плечу. – Уже несу.

– Хорошо, хорошо, – Татьяна замахала нетерпеливо в ее сторону кипой каких-то бумаг. – Черт знает что! Никому ничего поручить нельзя! А я двуязычная, что ли? Ты бы хоть напомнила мне...

Соня была девушкой глазастой и в бумагах без труда узнала оплаченные счета за новое оборудование для компьютерного зала, который собирались запустить в эксплуатацию к Новому году. Она к тому же еще была и сообразительной девушкой, поэтому также с лету поняла, что у ее начальницы за проблема.

Проблема заключалась в рассеянности Татьяны. И скорее даже не в рассеянности, а в ее внутреннем неприятии нудной возни с различными бумажками. Программистом Татьяна была от бога, а вот делопроизводителем – никаким. Ви-

димом, счета были принесены из канцелярии еще на прошлой неделе. И были положены ей на стол, где и пролежали невос-
требованными несколько дней. Сегодня, очевидно, вопрос
об оборудовании, так и не полученном со склада, был поднят
на селекторном совещании, и Татьяна опомнилась.

– Сонька, что делать будем? – Ребрикова указала ей на
стул сбоку от своего стола. – Сядь, не стой столбом. И давай
покумекаем, что можно придумать...

Придумывать особенно было нечего. За оборудованием
нужно было ехать и получать его со склада уже через неде-
лю. То есть...

– Да, да, именно первого числа! – снова повысила голос
Татьяна, заметив растерянность своей подчиненной. – В по-
недельник. Так что подбивай на этой неделе все свои дела.
Подчищай все хвосты. И в понедельник двинешь в команди-
ровку.

От того, какой горечью мгновенно зашло сердце Сони
Перовой, она едва не расплакалась.

Как первого?! Как в понедельник?! У нее же... У нее же
юбилей! Это же кощунственно – посылать человека за две-
сти с лишним верст за покупкой оборудования именно в та-
кой день. Пусть едет кто-нибудь другой!

– Кто, например? – Ребрикова раздраженно задвигала
ящиками стола. – Все, кто может ехать, уже уехали, и, меж-
ду прочим, гораздо дальше, чем предстоит тебе. Выедете по-
раньше, там вас уже будут ждать. Чем оперативнее сработа-

ешь, тем быстрее вернешься. Никуда твой юбилей не денется. Вот радость какая: на год старше стала! Морщин только прибавится...

Что ей можно было объяснить – этой запрограммированной на собственный быт женщине?! Что могла она понять, кроме того, что на субботу у нее намечается грандиозная стирка, а погода, кажется, портится. И брюки ее мальчишек ни за что не просохнут к понедельнику...

Нет, Соня не станет ей ничего объяснять. Потому что Ребрикова все равно ничего не поймет. Между ее и Сониным понятием о счастье и домашнем уюте лежит целая пропасть.

– Слышишь, Перова, – устало окликнула ее начальница, когда Соня уже почти скрылась за дверью. – Ты это... Не переживай так шибко. Там быстро все делается. Если рано уедете, то вернешься раньше, чем рабочий день закончится. А я тебе доплату в этом месяце проведу, рублей четыреста. И командировочные получишь... Надо, Сонька, пойми.

Когда Ребрикова начинала говорить таким вот извиняющимся тоном, Соне Перовой всегда становилось неловко.

– Надо – значит, надо, – покорно кивнула Соня. – Вы мне только подробнее расскажите все и телефонами контактными снабдите, чтобы мне там не быть слепым котенком.

– А, ладно, это все ерунда по сравнению с мировой революцией, – беспечно махнула рукой Татьяна и некрасиво заткнула за уши выжженные химической завивкой пряди волос. – У нас впереди целая неделя. Будет еще время для по-

дробного разговора. А сейчас – бегом в материальный отдел. Мне Самохин уже всю плешь проел с самого утра. Не стой столбом, Сонька! Бегом!..

Перова упорхнула из кабинета начальницы и уже через пять минут втаскивала в кабинет материального отдела бухгалтерии отремонтированный процессор.

– Наконец-то! – старший бухгалтер-ревизор Самохин Володя подскочил со своего места и коlobком подкатился к Соне. – Давайте-ка сюда, дорогуша. Я сам его пристрою, где мне удобно. А вы уж потом подключите все свои провода...

Манипуляции с процессором заняли минут пять, не больше. Но и этого времени Соне хватило, чтобы почувствовать себя абсолютно раздетой, выпотрошенной и разложенной по полочкам.

Ох, как не любила она бывать в этом отделе! Единственный кабинет из двадцати трех, где она не любила бывать. А все из-за этой белокурой нимфы с томным скучающим взглядом, сидевшей по правую руку от Самохина. Все из-за нее! Единственная из пяти обитателей кабинета, под чьим взглядом Соне становилось нехорошо.

Кажется, ее звали Ольга. Точно, Ольга Ветрова. Перова однажды наткнулась в базе данных на ее личное дело. Она тогда как раз занималась компьютером в отделе кадров. Тот сбоил безбожно. Соне пришлось над ним изрядно попотеть. А потом еще полдня гонять его на предмет усвояемости вживленных деталей. Тогда-то ей и попало на глаза личное

дело Ольги Ветровой.

Ольге было тридцать пять лет. Она имела высшее хореографическое образование, мужа – инженера-конструктора, сына-подростка и младшую дочку. Еще она имела два года танцевального стажа в одном из столичных театров. Годичную стажировку во Франции. Потом был длительный перерыв в записях в трудовой книжке, и возобновились они лишь год назад, когда Ольга устроилась бухгалтером-ревизором в их фирму.

Соня тогда, помнится, подивилась жизненным перипетиям этой женщины. Такое красивое многообещающее начало – и такой прозаический финал! Но потом почти сразу же забыла об этом, окунувшись в гущу трудовых будней.

Ольга сама напомнила о себе, причем совсем недавно. Как раз тогда у них полетел компьютер, и Соня была вынуждена полдня проторчать в их кабинете. Ветрова тогда перешагнула все возможные пределы, наплевав на правила хорошего тона.

– Что у тебя за духи?..

– Каким лосьоном для лица ты пользуешься?..

– А джинсы у тебя чьи?..

– Надо же... Как ты ухитряешься сохранять в таком порядке свой маникюр, копаясь в этих отвратительных железках?..

Это был лишь самый малый перечень вопросов, которыми Ольга Ветрова забросала бедную Соню. И если учесть,

что до сего времени они даже не здоровались, сталкиваясь в коридоре или на лестнице, то подобное любопытство выглядело более чем странным. И это в присутствии еще четырех человек, трое из которых были мужчинами...

– Соня, Соня, – не удержалась-таки Ольга от реплики, когда Перова уже почти скрылась за дверью их кабинета. – Никак тебя не пойму...

Перова была девушкой вежливой и приостановилась, сочтя, что выйти из кабинета, не дослушав, будет некрасиво. Она чуть повернула голову в сторону стола, за которым королевой восседала Ветрова, и вопросительно уставилась в ее холодные, изумительной голубизны глаза.

– Зачем такой очаровательной девушке возиться с грубыми железками? Понятно было бы, если бы ты нуждалась, но...

– Но что? – рассеянно поинтересовался Володя Самохин, колдуя над клавиатурой и не поднимая глаз на женщин.

– А то! – фыркнула Ветрова, выдвигая из-за стола шикарной длины ноги профессиональной танцовщицы и грациозно закидывая их одна на другую. – Что ее зарплаты на ботинки ручной работы вряд ли хватит. Да и свитерок, смотрю, из исландской шерсти. Я не ошиблась, Соня?

– Нет, – Перова пожала плечами, недоумевая, что же все-таки эта женщина от нее хочет. – Папа привез, именно оттуда.

– А что же при таком папе наша милая Соня делает

здесь? – красивые губы Ольги нервно дернулись в уголках.

– В настоящий момент слушаю вас, – вежливо ответила Соня, чувствуя себя словно на лобном месте под взглядами бухгалтеров, коллег Ветровой.

– Ну-ну, – длинные ноги поменялись местами, и точеная ступня в туфле на высоком каблуке начала тихонько покачиваться.

– Слушай, Ольга, – вступился тут за Перову один из ее коллег, звали его Геной, и он пару раз напрашивался к Соне в провожатые, но был безжалостно отвергнут и попыток больше не повторял. – Отстань ты от человека. Каждый волен заниматься тем, чем он хочет. Ты вон тоже здесь не по доброй воле сидишь...

Соня посмотрела на Гену с благодарностью, граничащей с многообещающим теплом, и в образовавшуюся паузу поспешила улизнуть из кабинета материального отдела бухгалтерии.

Скорее бы домой! В тепло и уют их милой квартиры. Где всегда вкусно пахнет жареным мясом и свежими бисквитами. Где можно забраться с книжкой под любимый клетчатый плед в своей комнате. И читать. И ни о чем не думать: ни о Ветровой, ни о ее необъяснимых колкостях. Ни о том, почему же Соня в самом деле выбрала эту профессию. Просто сидеть, укрывшись пледом, и перелистывать страницу за страницей. Погружаться в выдуманный красивый мир, лишь совсем немного похожий на тот, в котором она сейчас жила, и

ни о чем таком не думать. И еще немножечко мечтать. Мечтать, совсем чуть-чуть, о несбыточном и совсем чуть-чуть – о запретном...

– Перова!

Господи! Ну почему сегодня всем что-то от нее нужно?! Почему именно сегодня – в понедельник?! Начало дня ознаменовало себя неприятным известием о грядущей командировке. Потом эта Ветрова. Теперь как следствие Гена...

Соня остановилась, приваливаясь плечом к стене коридора, и с плохо скрытым неудовольствием наблюдала за тем, как Гена осторожно движется в ее направлении.

Гена шел, выверяя каждый свой шаг. Девушке на какое-то мгновение стало даже жаль его. Такой высокий, крепкий, с претензией на то, чтобы считаться привлекательным, а уже инвалид. Кто-то еще в самом начале ее трудовой деятельности в этой фирме доверительным шепотом сообщил ей, что Гена пострадал в результате несчастного случая и со здоровьем у него не очень-то. Так что такой молодой перспективной девушке не нужно бы увлекаться всякими чудаками, прозябающими в их бухгалтерии. Ну и все такое прочее... Соня в подобные доброжелательные напутствия вслушивалась невнимательно, считая Гену из бухгалтерии героем не своего романа. И не в его инвалидности было дело, а в том, что...

Гена не дал ей додумать до конца эту мудрую мысль.

– Соня, – он подошел почти вплотную к ней и несколько

минут молчал, пытаюсь восстановить дыхание. – Ты не очень расстроилась из-за Ольги?

– Нет, что ты, – поспешила девушка его успокоить, и все еще надеясь избавиться себя от беседы с ним. – Все в порядке.

– В самом деле? А мне показалось...

Его темно-карие, почти черные глаза смотрели на нее... так странно, так пронзительно, что Соне сделалось нехорошо. Почему он окликнул ее? Зачем поспешил догнать? Что ему от нее нужно? Что может означать этот взгляд, трудно поддающийся объяснению?

– Все в порядке, – как можно тверже повторила Соня и совсем уже было собралась уйти, как Гена вдруг схватил ее за локоть и крепко сжал. – Гена! В чем дело?

Он молчал. Его глаза все с тем же напряжением исследовали ее лицо и прическу. Затем взгляд медленно пополз вниз и, задержавшись какое-то время на ее груди, вновь вернулся к изучению ее лица. И при этом он продолжал молчать и цепко удерживать ее руку в своих крепко стиснутых пальцах.

Вначале Соня опешила, потом разозлилась, а где-то минуты через три ее начал пробирать страх. Но вырваться и грубить ему прямо здесь – в коридоре – она не могла. Во-первых, не позволяло воспитание, а во-вторых... во-вторых, ее вдруг разобрало любопытство. Определить природу его возникновения Соня затруднилась бы. Может быть, оно было возбуждено страхом? Может быть, причиной тому был странный взгляд Гены? Но ей вдруг стало интересно: что будет

дальше?

– Итак, Гена... – вкрадчиво-ласковым тоном обратилась к нему Соня. – Ты что-то хотел?

– Да, – севшим голосом пробормотал он и для убедительности кивнул головой. – Хотел... Я хотел бы встретиться с тобой.

Тут он внезапно замолчал, словно споткнулся обо что-то. Несколько ослабил хватку и даже, кажется, попробовал погладить ее ноющий локоть. Получилось неубедительно и малоощутимо, потому что на Соне был толстый шерстяной свитер, а сверху еще и рабочая куртка. Но не это было важным, а то, что сказал Гена после паузы. Это настолько смутило бедную Соню Перову, что поначалу она даже не нашлась, что ему ответить.

– Я хотел бы встретиться с тобой у себя дома и уже никогда, никогда не расставаться... – заговорил Гена быстро-быстро, словно боялся, что она сейчас перебьет его и тогда он непременно спутает все слова. – Хотел бы, чтобы ты была матерью моих детей. Чтобы мы вместе с тобой катали детскую коляску и говорили без умолку. Нет, чтобы говорила все время ты, а я бы слушал твою милую болтовню и был бы бесконечно счастлив от того, что ты рядом, Соня... Ты удивлена, я знаю. Но мне понадобилось слишком много времени для того, чтобы решиться сказать тебе об этом. И я также знаю, что никогда не повторю этого больше. И еще я знаю, что ты ответишь мне «нет»... Поэтому, я прошу тебя, молчи!

Ради всего святого, молчи! Просто прими это к сведению... Знай, что есть на свете один чужак, которому небезразлично, почему ты грустишь и редко смеешься. И который все отдаст на свете, чтобы ты была счастлива. А сейчас уходи! И, пожалуйста, не смотри на меня так!

– Как? – только и могла выговорить Соня, потому что и сама не знала, как она сейчас на него смотрит.

– Как на сумасшедшего, – кивнул он, словно заранее соглашался с ее диагнозом, который же сам за нее себе и поставил. – Уходи, Соня, я сейчас противен даже самому себе, что уж говорить о тебе... Уходи!

Она покорно заспешила к двери своего кабинета, до которого было чуть больше пяти метров. Но потом все то же любопытство заставило ее остановиться и, вытягивая из непонятно каких глубин странное, не свойственное ей кокетство, проговорить:

– А... тебе даже неинтересно, что я обо всем этом думаю?

Гена не стал ей отвечать. Повернулся и, уже совершенно не заботясь о своей походке, пошел прочь. Он сильно припал на левую ногу, но странное дело – Соне это не казалось неприятным. Как раз наоборот, когда он шел ей навстречу и выверял каждый шаг, осторожно ступая на правую и затем медленно вынося вперед левую ногу, он казался ей более неловким. Сейчас же все изменилось. И его походка, и ее отношение к нему.

Соня смотрела сейчас вслед высокому темноволосому

парню с таким настойчивым горящим взглядом и размышляла.

Изменилось ли что-нибудь для нее после его признания? Пожалуй, что нет. Хотя... Хотя, если уж быть до конца откровенной с самой собой, ей было приятно. Гена был симпатичным, аккуратным, перспективным в плане профессионального роста молодым человеком, и если бы не его увечье, то отбоя от претенденток на место рядом с ним у парня, несомненно, не было бы. И опять же не само увечье было причиной, а то, из-за чего он его получил.

Муслировались четыре версии. Первой и самой достоверной называлась автомобильная авария. Потом следовало участие в боевых операциях в горячих точках. Некоторые склонялись к версии ревнивого мужа, заставшего свою жену в объятиях Геннадия. И пару раз обсуждалась какая-то давняя и страшная история об ограблении банка и захвате заложников. В какой роли в этой истории выступал пострадавший Гена, не говорилось. Но слухи периодически вспыхивали с новой силой и обрастали все новыми и новыми подробностями, заставлявшими благовоспитанных девиц, к коим себя причисляла и Софья Перова, держаться от Гены подальше.

И вот вдруг ни с того ни с сего он тискает ее локоть в коридоре и в самых неприемлемых формах делает ей... предложение!

По представлениям Сони, это должно происходить совсем

иначе и в другом месте. Как именно, она пока не знала. Но что иначе – она не сомневалась.

Она дождалась, когда дверь материального отдела бухгалтерии с силой хлопнула о притолоку, и только потом пошла в свой кабинет. Пытаться сейчас работать и уж тем более делать вид, что ничего не произошло, она не могла. Быстро схватила с подноса чайник и чью-то чашку и выпорхнула в туалет. Там она долго полоскала эту чашку, недоумевая по поводу того, зачем она ее взяла, а не прошла еще два метра за своей. Потом еще дольше намывала чайник и полоскала фильтр. Налила воду до нужной отметки. Поставила чайник на подставку рядом с умывальником и лишь тогда осмелилась посмотретья в зеркало.

Почему она? Почему не кто-нибудь другой, не Ольга Ветрова, например? При репутации Гены роман с такой дивой пошел бы ему в плюс. А Ольга, по Сониным представлениям, только того и ждала. Пару раз Соня ловила напряженный взгляд Ольги, зафиксированный на Генкиной переносице. И все сплетни выходили только из их кабинета. Почему он предпочел любовь такой искусственной красивой дамы неумелым «бледно-розовым» чувствам Софьи Перовой? Нет ли тут подвоха?

Нет, эту мысль Соня отогнала сразу. Слишком взволнованным и подавленным выглядел Гена в момент своего спонтанного признания. Заподозрить его в сговоре с Ветровой было бы кощунством. Он и ответа от Сони никакого не по-

требовал. Просто выговорился и ушел. А она теперь стоит, пялится на свою физиономию в зеркале и пытается понять – какво это, быть кем-то любимой? Любимой до такой степени, чтобы желать оставаться вместе всю оставшуюся жизнь?..

Это было первое и самое необычное предложение руки и сердца! У Сони и раньше случались свидания и романы, но до подобного признания дело никогда не доходило. Да и чувств, подобных Генкиным, она не наблюдала ни в одном из своих воздыхателей.

Кто-то провожал ее из школы, кто-то – из института. Несколько раз случались ночевки у друзей на даче. Там много выпивали, курили, танцевали до потери сил и сознания. Ближе к утру разбредались по комнатам. И дачные домики оглашались скрипом кроватей и стонами подвыпившей молодежи. Соня Перова, так же как и все, уединялась с каким-нибудь Сашей или Вовой, в зависимости от того, с кем приезжала. Они без сил падали на кровать и до одурения и темноты в глазах целовались, но дальше поцелуев дело никогда не шло. Соня в этом вопросе была непреклонной.

– Ты просто садистка, Сонька! – стонали парни, измученные ее неприступностью. – Так же нельзя!

Можно! – считала Соня Перова, не позволявшая себе «ничего такого...». Еще как можно и нужно! Что может дать ей случайный секс, в случайном месте, со случайным партнером? Да ничего! Ничего из того, что она ждала и хотела по-

лучить от жизни. К тому же ни один из этих парней никогда и ни при каких обстоятельствах не намекнул ей о том, что хочет взять ее в жены. А секс и замужество для Софьи Перовой были вещами, неотделимыми друг от друга. Такое у нее было воспитание, и тут ничего поделать было нельзя.

К концу пятого курса почти все ее знакомые девчонки вышли замуж. Кто за сокурсников, кто за незнакомых Соне парней. Некоторые ухитрились выйти замуж именно за тех, с кем когда-то «зависали» ночами на дачах. А Соня – нет... Все как-то «не случилось» и «не пришлось». Ей со временем вообще стало казаться, что вокруг нее образовался некий круг, границы которого мужчины категорически не желают переступать.

– Надо было быть грешницей, – сетовала она на свою неприступность, всякий раз ставившую ей препону. – Давно бы уже и замуж вышла, и детей бы имела.

– Нет, Сонька, – отвечали ей подруги, некоторые из которых успели развестись. – Дело тут не в грехе, а в твоём к нему отношении. Слишком ты какая-то...

– Правильная? – подсказывала Соня.

– Нет, не в этом дело. Мы тоже не распутницами рождены. Нет, тут дело в другом... На тебе большими буквами написано, чего именно ты ждешь от жизни.

– И что же это?

– Стабильности, уюта, благополучия, – подруги в этом месте обычно кривили губы в искусственных ухмылках. – А му-

жики этого страсть как бояться. Им подавай все, что угодно, но только не это. Романтики, вот! Вот чего тебе не хватает! Романтического блеска в глазах! Вот на тебя посмотришь – и сразу скажешь, что можно от тебя ждать. Сытный ужин, теплая постелька и нежный поцелуй в лобик на ночь. Приземленная ты какая-то, Сонька. Так нельзя...

Как можно, подруги не говорили. Они выходили замуж, рожали детей, разводились, страдали и вскоре снова были безмерно счастливы. А Соня по-прежнему оставалась одна. И не то чтобы от этого ей было хуже, просто она не уставала задаваться вопросом: почему все так...

И вот теперь Гена сделал ей предложение, даже не удостоив ее возможности дать ему ответ. Он был уверен в том, что она откажет? Или причина в том, что его предложение – все-таки розыгрыш? Разобраться в этом было сложно, а Со-не отчего-то вдруг именно этого и захотелось – разобраться в причине, вынудившей Гену сделать ей предложение в полутемном коридоре их преуспевающей строительной фирмы.

Что для этого потребуется? Это был первый вопрос, который она задала самой себе, решив докопаться до сути.

Из зеркала в красивой хромированной оправе на нее взирало бледное лицо достаточно еще молодой и неискушенной в подобных делах девушки. Яркие блестящие глаза, цвет которых колебался от нежно-голубого до темно-серого, в зависимости от освещения и настроения. Широкая линия бровей, выщипывать которые было сущим мучением. Правиль-

ной формы нос. Губы бантиком, словно у ребенка, которые, крась не крась, все равно не становились сексуальными. И бледные щеки. Эта их бледность, которую папа называл аристократической, сводила порой Соню с ума. На улице пекло, июль в самом зените, а ее лицо словно мукой обсыпано...

Да, это, пожалуй, самый большой минус в ее внешности. Все остальное вроде бы в норме. Фигура почти соответствует мировым стандартам. Ноги, конечно же, не такие шикарные, как у Ветровой, но тоже ничего.

Из этого следовало, что объективные предпосылки для возникновения интереса к ней со стороны коллег по работе все же имеются. И считать внимание Гены к ее персоне чем-то из ряда вон выходящим, пожалуй, не стоит.

Почему он сказал ей об этом в коридоре, а, скажем, не в кафе или не прогуливаясь в сквере? Да потому что такого варианта его просто-напросто лишили, отказав в возможности самой встречи. И если это так, то...

Соне не было суждено додумать свою мысль до конца, потому что дверь туалета распахнулась и вошла Ветрова. Так же как и Перова, Ольга пришла сюда с чайником и чашками. Понимающе хмыкнув Соне в спину, Ветрова загремела посудой у соседней раковины.

Стараясь, чтобы в ее движениях не было излишней суетливости, Соня взяла свой чайник, надела на пальчик дужку чужой чашки и поспешила выйти. Не могла она дышать одним воздухом с этой женщиной. Хоть убей, не могла! И не в

одних ее грубых манерах было дело. Было что-то еще: чем-то неприятно настораживающим веяло от этой дамы. Что-то такое, что шло вразрез с жизненно важными правилами Софьи Перовой, которые она никогда и ни при каких обстоятельствах не нарушала.

Соня беспрепятственно достигла выхода из дамской комнаты, без посторонней помощи открыла дверь, когда Ветрова язвительно обронила ей в спину:

– Чем ты так расстроила нашего бедного калеку? Сначала он в галоп кинулся за тобой следом, хотя понятие «галоп» с ним несовместимо. – Ольга неприятно рассмеялась. – Потом вернулся, едва не плача. Ты отказала ему снова, Сонечка?

В вопросе было слишком много тайного смысла, чтобы отвечать на него.

Что она могла знать? Что за «отказ» подразумевался Ольгой? Знала она или нет о том, что именно сказал ей Гена?

– Нельзя быть такой бессердечной, дорогая, – еле слышно произнесла Ольга, и девушка, к своему ужасу, обнаружила, что последние слова та прошептала ей в самое ухо, стоя прямо за спиной и едва не касаясь высокой грудью лопаток Сони. – Чем ты так расстроила бедного мальчика? Почему бы тебе не быть с ним посговорчивее, а? Как ты думаешь, каков он в постели? Ты когда-нибудь задавалась вопросом, каков он в постели, Сонечка? Представляла ли ты его себе голым, Перова? Совершенно, совершенно голым... Без пи-

джака и его крахмальной сорочки с галстуком. Без брюк со стрелками и без его начищенных ботинок... Так как, Перова? Что скажешь? Что тебе рисовало твоё воображение? Как покраснели твои ушки, Сонечка, боже мой! Я угадала! Ты мечтала о нём... Как ты о нём мечтала, Перова? Как?!

Соне казалось, что она сходит с ума. Никто никогда не позволял себе разговаривать с ней в таком тоне о вещах, мягко говоря, не предназначенных для посторонних ушей. Нет, она не была ханжой и часто выслушивала от подруги дельные и ненужные советы. Но то подруги, а то Ветрова.

– Что тебе от меня нужно?! – не поворачиваясь, резко оборвала она сладко-хищный шепот Ольги. – Мои отношения с Геной тебя совершенно не должны волновать!

– Ах, простите, не знала! – Ольга быстро обошла Перову, без предупреждения толкнула дверь туалета, за ручку которой Соня ухватилась несколько мгновений назад, и нацелила в нее злобный взгляд. – У нас уже отношения? Надо же... И как давно у нас отношения, дорогая?

– Не твоё дело! – решительно ответила грубостью на грубость Соня, хотя внутри у нее все заныло от собственного непростительного хамства. – Пропусти!

– Так я и не держу тебя, – Ольга мгновенно стерла из глаз злобу и сменила её на мягкий завораживающий свет, тут же преобразивший её лицо, сделав его совершенным. – Ступай, дорогая. Только помни...

«Я не должна её слушать. Это не её дело, – твердила се-

бе Соня, перехватывая поудобнее чайник и вновь берясь за ручку двери. – Я не должна позволять навязывать себе никаких ситуаций. Все, я сейчас же уйду и забуду об этом разговоре и о беседе с Геной...»

Ей все это почти удалось. Почти, потому что, желая оставить последнее слово за собой, Ветрова с лицемерной заботой в голосе добавила:

– Гена не так прост, как кажется. Он может быть очень опасен. Ты же не знаешь, при каких обстоятельствах он получил свое увечье...

Она минуты три ждала, что Соня спросит: «А ты знаешь?» Соня не спросила. Тогда Ольга торжествующе изрекла ей уже в спину:

– А я вот в курсе, дорогая. И обстоятельства эти так ужасны, что тебе о них лучше не знать...

Глава 2

Ему было десять лет, когда он научился ненавидеть всех женщин одновременно. Невзирая на то, кем являлась для него каждая конкретная женщина, он ее ненавидел люто и бесповоротно. За мелочность, подлость, виртуозное умение предавать и беспричинно причинять боль. Кем бы ни была женщина, в ней всегда находилось этого добра с избытком. С тех пор минуло более двадцати лет. Он стал взрослым, научился быть сильным, поборол свою ненависть и выковал в себе умение противостоять этому адскому племени. Это нелегко далось ему и пришло не сразу. Много раз он ошибался и позволял самому себе расслабляться и забывать об их подлой сущности, и тогда безжалостное прошлое вновь настигало его, и кошмар возвращался.

Со временем это стало его жизнеутверждающим правилом: никогда и ни в чем не доверяться женщине. Он заработал себе репутацию настоящего Казановы, волка-одиночки, к тому же человека, над которым довлеет страшная тайна прошлого. Что ж, его это вполне устраивало. Женщинам не нужно было долго и нудно объяснять, что именно от них нужно. Все отношения с ними складывались из короткого знакомства, тихого ужина, можно при свечах, можно без них, бурного страстного секса и неизбежного расставания. Редко какой даме удавалось дважды побывать в его постели.

Ту, которая побывала бы там хотя бы трижды, он вообще пока не встретил. Так и шло изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Казалось, что так все и закончится в один прекрасный или, наоборот, скверный для него день. Когда он наконец-то умрет, и тогда вместе с ним умрет все то, что продолжало делать его глубоко несчастным. Но судьба снова насмеялась над ним. Она послала ему еще одно испытание. То, которого он страшился и ждал одновременно. То, от которого ему было так больно, что хотелось выть и бросаться на стену, как в далеком детстве. И именно то испытание, миг которого был прекрасен...

Гена стоял в полутемном коридоре и смотрел на узкую спину уходившей от него женщины.

Что он только что сделал?! Как он посмел – слизняк, тряпка – так расслабиться?! Зачем он пошел на поводу у самого себя и у всех сразу?! Он не должен был не только разговаривать с ней, но и приближаться к Соне. А он, мало того, нес еще какую-то околесицу о чувствах и возможном совместном счастье. Какой вздор! Ему ли не знать, что этого быть не может – сразу по нескольким причинам. И причина крылась не только в нем самом и в его комплексах и принципах. Причина была много хуже...

Соня... Сонечка... Девочка... Он не сомневался, что она все еще девочка. И дело было не только в ее физиологической целостности. Дело было в ее душевной нетронутости. Она была настолько чиста, настолько непорочна, что каза-

лось, он видит вполне реальное сияние над ее головой. А как она пахла!.. Боже мой, ни одна женщина, которых он знал, не имела такой чистой белой кожи и такого запаха... Так пахнет роса, пыльца ландыша, так пахнет... его горькая и безнадёжная любовь к ней.

Да, он наконец-то набрался смелости признаться самому себе в том, что любит ее. Это было его горе и его беда, потому что чем сильнее он ее любил, тем сильнее ненавидел. Да, да, та самая ненависть, которую он с годами победил, которая отравила ему все его детство, снова вернулась. Вернулась окрепшей и заматеревшей, чтобы окончательно свести его с ума и лишить одной-единственной смелой мечты о счастье.

– Ну что, Геночка, – Ольга Ветрова, которая ждала его возвращения, сразу все поняла – еще бы ей не понять его! – получил от ворот поворот? То-то же, не со свиным рылом да в калашный ряд.

– Замолчи! – заорал он на нее. Заорал, потому что они были одни, при посторонних он такого себе не позволял. – Я тебя просил!..

– Молчу, молчу, – покорно пробормотала она, но глаза смотрели с вызовом и насмешкой. – А ты – все такой же закомплексованный придурок, Гена. Время тебя не лечит...

– Если ты не заткнешься сию же минуту... – его кулаки оперлись о край ее стола так, что побелели костяшки. – Я тебя выкину в окно, поняла?!

– Нет проблем, – обиженно произнесла Ветрова и поспе-

шила выставить на его обозрение свои ноги, будто бы поправляя туфлю. – Далась она тебе, Гена... После стольких баб запасть на эту блеклую девицу... Пойми вас, мужиков...

Гена ей не ответил. Вернулся к своему столу и неловко за него уселся, пристраивая хромую ногу поудобнее.

– Ну, хочешь, я помогу тебе? – Ольга примирительно улыбнулась, сделавшись еще более привлекательной, чем прежде.

– Каким образом? – казалось, он погрузился в изучение отчета, но это была лишь видимость.

– Ну, поговорю с ней... Постараюсь убедить ее...

– Только попробуй! – Гена отодвинул в сторону кипу бумаг и выразительно глянул ей в глаза. – Ты ведь не дурочка, Оленька... Знаешь, чем тебе это может обернуться, так?

Она с минуту молчала, потом кротко вздохнула и молча кивнула ему.

– Вот так-то, детка. И прошу тебя, не лезь в это дело.

Ветрова встала с места, взяла чайник, чашки и, буркнув Геннадию что-то неодобрительное, ушла в туалет. Пробыла она там достаточно долго, а когда вернулась, то без лишних разговоров плеснула ему в лицо водой из чайника.

– Ты что, сука, озверела совсем?! – Гена приподнялся было с места, но тут в кабинет вернулся Володя Самохин, и все дальнейшие объяснения с Ольгой пришлось отложить на потом.

А выяснить ему не терпелось. Что-то произошло в тот

промежуток времени, пока Ольга отсутствовала. Что-то здорово сильно ее взбесило, раз она позволила себе подобную вольность – плеснуть ему в лицо водой. Такое случалось не часто. Причина должна была быть донельзя объективной, чтобы Гена смог простить ее.

А может, ей и не требовалось его прощение? Может, эта испорченная стерва нарочно заводит его, чтобы снова повторить то, что однажды случилось?..

Нет, на сей раз он не пойдет на поводу у ее пороков. Пусть «упражняется» со своим мужем-конструктором. С кем угодно, но только не с ним. Ему одного раза было достаточно, чтобы понять: Ольга не поможет ему, как бы она ни старалась. И она должна была знать об этом. С чего же тогда взбеленилась...

Выяснилось все лишь после работы.

Выходили они вместе. И пока Гена провожал напряженным взглядом стройную фигурку Сони, бросившейся с поднятой рукой наперерез такси, Ольга терпеливо его поджидала на боковой аллее. Он всегда ходил этой аллеей домой с работы. Протяженность ее была полтора километра. Шел он по ней ровно сорок минут. Как раз столько времени ему требовалось, чтобы справиться с волнением либо со злобой, в зависимости от того, какие чувства его в тот момент обуревали. Потом он заходил в супермаркет, располагавшийся на первом этаже его дома. Покупал продукты, высокомерно шутил с рдеющими от счастья продавщицами и шел домой.

Его квартира, любовное гнездышко холостяка, располагалась на восьмом этаже. С окнами на мелкую речушку и кромку дальнего леса. Вид этот Гену вполне устраивал. Жилье тоже. Удобная добротная мебель, которую ему помогли приобрести за границей знакомые ребята одной из посреднических фирм. Все было устроено и расставлено так, что создавалось ощущение огромного пространства. Кстати, в этом ему помогла одна из его случайных подружек. Девушка оказалась специалистом по дизайну жилых помещений. Пока она сидела в комнате в ожидании ужина, с которым Геня немного запаздывал, набросала несколько эскизов на салфетках. Он оценил по достоинству и ее дизайнерский профессионализм, и умение вести себя в постели. Девушка побывала у него в гостях дважды...

– Чем ты собираешься заниматься сейчас? – поинтересовалась Ольга, медленно вышагивая рядом с Геной по его любимой аллее.

– Какого черта ты окатила меня водой, дрянь?! – сквозь стиснутые зубы процедил он, совершенно не желая спускать ей с рук этого пакостного поступка. – Ты совсем обнаглела?! Самохин потом на меня два часа косился как на прокаженного... Мало мне тех сплетен, которые ты периодически распускаешь по офису, так теперь еще водой вздумала обливать! Знаешь, что с тобой за это нужно сделать?

– Знаю! – сипло пробормотала Ольга и, не стесняясь того, что их могут увидеть, вцепилась в рукав его куртки. – Знаю

и хочу этого не меньше, чем ты, дорогой.

– Отстань! – грубо оборвал он ее и, отцепив ее руку, попытался пойти быстрее.

Сделать это ему было затруднительно, и Ольга без особых усилий догнала его и пошла рядом.

– Я знаю, Геночка, что редко какая женщина удостоивается счастья дважды посетить твою кровать... Я там была всего однажды и надеялась, что...

– Не надейся! – снова оборвал он ее, но на сей раз менее убедительно.

Такси, в которое уселась Соня, медленно проехало вдоль той дорожки, по которой они шли. И то, что он увидел в окне машины, Гену не могло не порадовать.

Соня смотрела на него! Смотрела пристально и с нескрываемым интересом. Он знал толк в этом и за многолетнюю практику научился различать оттенки в настроении женщин. Теперь он не сомневался – ему удалось привлечь к себе ее внимание. А то, что сейчас рядом с ним шла Ольга, этот самый интерес со стороны Сони лишь подогревало. Подтверждение этому он получил уже через секунду, потому что Соня скосила взгляд в сторону Ветровой и лицо ее исказила гримаса отвращения.

– Что тебе сказала Перова? – пошел он ва-банк, начав кое о чем догадываться. – Ты ведь ее подкараулила в туалете, так? И чем-то она тебя расстроила...

– Очень мне надо ее караулить! – возмутилась Ольга, ко-

торая тоже поймала взгляд Перовой, прежде чем такси ука-
тило далеко вперед. – Просто столкнулись случайно, и все!

– Что она тебе сказала? – Ему не хотелось выставлять на
показ свою слабость, но совладать с собой он уже не мог,
поэтому почти умоляюще пробормотал: – Олька, ну скажи,
что?

– Идем к тебе, там и расскажу, – промурлыкала она с тор-
жествующей улыбкой, за которую он ее ненавидел. – Поверь,
мне есть чем тебя порадовать. Но прежде должен будешь по-
радовать меня ты, дорогой...

Ему оставалось лишь согласно кивнуть головой и далее
продолжить путь в полном молчании. Говорить больше было
не о чем. Все остальное оба знали без слов.

Глава 3

Татьяна Ребрикова понуро тащилась к дому, в котором жила ее мать, и вспоминала о том, что успела купить ей сегодня. Упаковка макарон, хлеб, десяток яиц, килограмм сосисок и два литра молока. Пожалуй, можно будет пару дней не заглядывать. А к выходным закупить матери чего-нибудь побольше, чтобы в субботу с воскресеньем не дергаться и не ездить сюда. Ее мальчишки совсем от рук отбились, не видят ее почти. Работа, поездки к матери, а потом еще хлопоты по дому. На все нужно так много времени, что Татьяна порой путала дни недели. Где уж тут было не пропустить оплаченные счета, за которые ее сегодняшним утром так взгрели, что руки потом еще полчаса подрагивали.

– На ваше место знаете сколько претендентов?! – брызгал слюной коммерческий директор, потрясая анкетами перед ее носом.

Нет, она не знала и даже не догадывалась. Когда ей было думать об этом! Кто и когда метит на ее место? Мало ли кто! Может, ту же Соньку Перову втиснут. А что, чем не кандидатура? Девка с высшим образованием, умница, исполнительная. К тому же папа у нее кто-то там... Ему стоит только пальцем шевельнуть, как Соньку посадят на ее – Татьянино – место, и она будет у Сони на посылках.

При воспоминаниях о благовоспитанной холеной Сонеч-

ке Татьяну перевернуло. Почему в этой жизни все устроено так несправедливо?! Почему кому-то – все, хотя он и пальцем не шевельнул для этого! А кому-то, как вот ей, приходится всю жизнь горбатиться и влечить тяжелый воз, а результат – нулевой!

Взять хотя бы ее и эту Соньку. Если у последней все было еще задолго до рождения, то Татьяна начала работать с седьмого класса, помогая матери разносить почту. Потом учила уроки, засиживаясь до полуночи. С великим трудом поступила в институт. И не потому, что обладала плохими знаниями, а потому, что смотрели на нее с плохо скрытой брезгливостью. Костюм ее, видите ли, никому не приглянулся. Подумаешь, не успела выстирать к экзаменам! Подумаешь, утюг сторел так некстати, и выгладить костюм не удалось. Отвечала-то она блестяще!

Годы учебы... Вспоминать о них Татьяна не могла без душевной боли. Все та же брезгливость, граничащая с презрением. Полная изоляция от общей тусовки, и если бы не ее жажда знаний, она бы, наверное, сошла с ума от собственного одиночества. Потом она встретила Колю, и все изменилось. Она просто не могла позволить себе быть слабой рядом с этим беспомощным человеком, который научился любить ее безгранично и преданно. Иногда он напоминал ей подброшенного под дверь бездомного щенка, с которым она уже не сможет никогда расстаться.

Время шло, ситуация в стране менялась. Менялись при-

оритеты, как это модно сейчас говорить. И Татьяне Ребриковой внезапно повезло. Ее пригласили работать в крупную строительную фирму на должность старшего программиста. Приличный заработок, стабильное положение, уважительное отношение со стороны коллег и вдруг... подобное заявление. Нет, она ни за что не позволит кому бы то ни было обойти себя. Ни за что! И пусть все молодые и крупные специалисты катятся ко всем чертям, а с ними заодно и Сонечка Перова, которая ничем еще не заслужила права на счастье. Как она ей сегодня врезала, послав в командировку именно в день ее рождения! У Татьяны просто ладони свело от желания потереть их друг о друга при виде огорченной Сонькиной мордашки. Ничего, переживет! Сядет за свой шикарный праздничный стол чуть позже. И сожрет приготовленный мамой ужин остывшим. Не думается, что от этого он станет хуже. Это не макароны с картошкой, жаренные на свином сале.

Вспомнив о своей семье, Татьяна грустно вздохнула. Кто бы мог подумать, что двое ее сыновей вырастут копией и подобием собственного отца, такие же «неудельные» и не приспособленные к жизни? Блаженные, одним словом. Так называла их мать Татьяны, жалея бьющуюся «о ребра жизни дочь».

Вновь вернувшись мыслями к матери, Татьяна посмотрела на ее подъезд. Дал бы бог пройти туда не замеченной этим... Она не могла дать определения человеку, который стал злым духом нескольких последних месяцев ее жизни.

Поселился он здесь недавно и жил теперь в одном подъезде с ее матерью. Мать говорила, что он вроде бы снял здесь квартиру. Больше она о нем ничего не знала. Зато Татьяна узнала предостаточно, всякий раз сталкиваясь с ним на лестнице.

Среднего роста, с плоским азиатским лицом и глазами рыси, смазливый мерзавец всякий раз считал своим долгом задеть ее каким-нибудь гадким замечанием. И отчего всегда так получалось, что они непременно встречались, караулил он ее, что ли?

Летом этот симпатичный хам обычно просиживал на скамеечке у подъезда. Закинув ногу на ногу, он лениво плевался семечками и провожал своими кошачьими глазами каждую проходящую мимо женщину. Именно летом Татьяна впервые услышала его едкое замечание в свой адрес. Услышала и остолбенела от возмутительной наглости. А парень, забавляясь ее смущением, продолжал изгаляться:

– Тяжело, конечно же, я понимаю... Под мышками мокро от пота. Денег на дезодорант наверняка нет. Я угадал? Ага, представляю, как с такой потной теткой ехать в вагоне метро... Сумки тяжелые? Еще бы! Нелегко, наверное, тоннами пожирать макароны и картошку, а потом состригать ботву с разных мест!

И вот в таком же духе проистекали и все последующие встречи. Тема всякий раз менялась. Хамом бралось на вооружение все, что угодно. Он мог зацепиться за пуговицу на ее блузке и унижить Татьяну так, что она была готова сорвать

блужку с себя и начать хлестать этого наглеца прямо по его азиатской морде...

Она зорко огляделась. Кажется, сегодня ей повезло. Территория у подъезда, освещенная фонарем, была пуста. Подъездные двери тоже никто не подпирал. Видимо, мерзавец тоже не любит октябрьской непогоды, сидит себе в своей квартире-юрте и курит кальян. Или как он там у них называется...

Перехватив поудобнее сумки – одна для своей семьи, другая для матери, – которые порядком оттянули ей руки, Татьяна быстро юркнула в подъезд. Двери лифта открылись мгновенно, стоило ей ткнуть кнопку подбородком. За долгую жизнь в этом доме Татьяна наловчилась управляться с лифтом именно так, ей не нужно было перекладывать сумку из одной руки в другую либо ставить поклажу на заплыванный пол.

Она быстро шагнула в слабо освещенную кабину и совсем уже было вздохнула с облегчением, когда сзади ее кто-то бесцеремонно толкнул и, перед тем как дверям лифта закрыться, в ухо ей гнусаво пропел самый ненавистный из всех – его – голос:

– Ну что, старуха, попалась?..

Поначалу она остолбенела и даже забыла испугаться. Продолжала стоять спиной к тому, кто так возмутительно повел себя с ней, и силилась понять, что именно кому-то от нее понадобилось.

Потом, когда до нее наконец-то начало доходить, в какую ужасную ситуацию она попала, Татьяна перетрусилась основательно.

Лифт медленно миновал первый этаж, второй, начал подниматься к третьему и неожиданно остановился.

– Все, старуха, кина не будет! Стоим...

Татьяна медленно повернулась и тут же обессиленно привалилась к стене кабины. Тешить себя надеждами не приходилось, что-то у этого поганца определенно было на уме. Недаром он подкараулил ее и вошел в лифт следом за ней. И опять же – эта остановка...

– Что с лифтом? – спросила она хрипло, удивляясь тому, как это слова сумели проползти сквозь ее горло.

– О! Да мы, оказывается, говорить умеем! – казалось, он удивился, но его хищные рысьи глаза говорили совсем о другом. – Что же раньше меня не удостоила чести? Почему никогда не говорила со мной, старуха?

– О чем? – Татьяна решила не злить парня и потянуть время: кому-нибудь непременно понадобится лифт, что-нибудь обязательно произойдет, и тогда она вырвется из этой ужасной клетки с этим страшным хищником. – Что вас интересует?

Его ничего не интересовало. Ему нужен был предлог для дальнейших измывательств над бедной Татьяной. А она, как назло, не давала никакого повода. Вела себя смиренно, даже пыталась поддержать беседу. А в сумки-то как вцепилась,

боже правый, словно там у нее бесценный груз.

– Что несешь, старуха?

Зачем она инстинктивно попыталась спрятать сумки за спину? Что хотела уберечь от его глаз? Пакеты с молоком или буханку хлеба? Ему нужен был повод, разве не понятно? Татьяна ему этот повод предоставила. Все дальнейшее было настолько мерзким и унижительным, что подобное Татьяне не могло привидеться даже в самом страшном кошмаре. Вернее, она не могла себе представить, что так вообще можно обращаться с человеком. С ней – женщиной, женой и матерью двоих детей, старшим программистом солидной фирмы.

– На колени! – брызгал он ей в лицо слюной, разбрасывая по кабине ее покупки. – Так, правильно! А теперь задирай подол, старуха, хочу посмотреть, что там у тебя не так, чего это ты такая угнетенная...

Слезы текли по ее лицу, смешиваясь с потом, от которого взмокли все волосы и прилипли неряшливыми прядями к вискам и щекам. Мучителя не трогали ее слезы и уговоры. Он то хватал Татьяну за волосы, ставил на колени и прижимал лицом к грязному истоптанному полу. То поднимал на ноги, заставлял задирать подол юбки до самого подбородка и издевательски пинал ее ногами.

– Так, а сейчас мы с тобой позабавимся по-другому, – пообещал он Татьяне и принялся расстегивать ремень на джинсах.

О том, что последует дальше, она могла лишь догадываться, и ей очень захотелось умереть именно сейчас. Ни минутой, ни двумя позже, а именно в этот миг, пока он еще не расстегнул своих штанов и не сотворил с ней того, после чего и смерть ей не станет избавлением.

Татьяна не могла молиться, она никогда не верила в бога. Она не знала, кого просить избавить ее от этого ужасного извращения, которому она отчего-то была так ненавистна. Она оцепенела и с полыхающей болью в сердце ждала, что будет дальше. Но провидение все же сжалилось над ней и послало ей спасение в лице нетерпеливых жильцов, которые принялись колотить по закрытым дверям шахты лифта и орать благим матом, что, если это хулиганство не прекратится, они немедленно вызовут милицию...

– Повезло тебе, старуха, на сей раз, – с сожалением обронил ее мучитель, доехав до своего этажа и покидая кабину лифта. – Но в следующий раз не повезет, будь уверена.

Он вышел, а Татьяна принялась сгребать с пола свои покупки и рассовывать их по сумкам. Ей почти удалось привести себя в порядок, когда она вышла на этаже, где жила ее мать. Она поправила волосы, одернула одежду и отерла лицо от пота и слез. Все внутри у нее окаменело до такой степени, что уже не было ни боли, ни страха. Она приняла решение. Оно пришло мгновенно, всплыло из сознания, стоило мучителю произнести свои последние слова.

– Это тебе не повезет, – прошептала Татьяна, вставляя

негнушимися пальцами ключ в замок материнской двери. –
Это тебе не повезет, гадина, потому что в следующий раз я
тебя убью!

Глава 4

– Ма-аа! А молока нет?! – ломающийся тенорок сына заставил Ольгу выйти из ставшего привычным сомнамбулического состояния. – А чё тогда?

– Да, сын, Земля без молока перестанет вращаться, и с неба на нас посыпятся камни. Попей чаю. Там, кажется, где-то был батон... – Ольга стояла у окна в байковой ночной рубашке, которую ненавидела ничуть не меньше своей несложившейся жизни. – Если нет, то надо бы сходить и купить...

– Ма, ты чё, когда мне бежать за хлебом, у меня сегодня зачет! Ма, ну чё делать-то без молока?

Сын определенно требовал к себе внимания и, кажется, не думал отставать от нее, совсем забыв, что сегодня пятница – конец рабочей недели, что она устала и, как всегда, не выспалась. А значит, пребывает с утра в прескверном расположении духа. Ей еще предстоит заставить себя влезть под холодный душ. Потом долго и обстоятельно приводить свое тело и мысли в порядок. А как всем этим заниматься, когда молоко так некстати кончилось!..

– Сын, отстань от меня! Выпей чаю, в конце концов, с печеньем, там осталось с вечера, – огрызнулась Ольга и, пока сын не опомнился, закрылась в ванной.

Там она стянула через голову ночную рубашку и с отвращением зашвырнула ее за корзину с грязным бельем, кото-

рая, кстати, была под завязку набита. А что это могло означать? Только то, что выходные она посвятит грязным трусам, носкам и майкам и не выкроит ни единой свободной минуты на то, чтобы...

Тсс-сс, об этом нельзя... Об этом нельзя не только говорить вслух, но даже думать нельзя... Потому что обуревающие ее чувства смогут выплеснуться наружу, и тогда она выдаст себя с головой. А этого пока делать нельзя. Пока... Потом – там видно будет. А пока – тсс-сс...

Ольга тихонько рассмеялась. С тайным злорадством послушала, как беснуется в прихожей сын, рассерженный отсутствием молока. Ничего, переживет. Избаловала все семейство, теперь вот пожинает плоды...

Ледяные струи воды обожгли разгоряченную со сна кожу, и Ольга невольно взвизгнула. Именно так она взвизгнула тогда, когда... тсс-сс, об этом тоже нельзя. Потому что тут же кровь начала обжигать вены, будто ее разбавили кипящей лавой.

Господи, Ольга и представить себе не могла, что в этой жизни можно так сильно чувствовать! Все ее прошлое не шло ни в какое сравнение с тем, что произошло несколько месяцев назад в ее жизни.

Это обрушилось на нее, словно снег на голову. Это будто ударило ей под дых и заставило надолго затаить дыхание. Это было что-то такое, с чем Ольга была не в силах и не смогла бороться...

Она пыталась поначалу как-то это нейтрализовать, затащив в постель закомплексованного на своих прежних бедах Генку. Не давала по ночам спать своему супругу, доводя его своей гиперсексуальностью почти до полуобморочного состояния.

Все было бесполезно. Это вошло в ее кровь и сделало ее больной и слабой. Ольга боялась дать определение своему состоянию, но подозревала, что ее болезнь носит весьма тривиальное название. Любовь...

Она перекрыла воду. Протерла запотевшее зеркало и придирчиво себя осмотрела. Высокая упругая грудь. Хорошо, что она не пошла на поводу у мужа и его разлюбезной мамочки и не стала кормить детей в младенчестве, иначе такого бы не наблюдалось. Живот плоский, талия тонкая, а ноги... Ноги были предметом ее гордости. Ноги у Ольги были не просто красивыми – они были роскошными. Так мало этого, она еще очень умело преподносила эту красоту. Походка, обувь, длина юбок – все было направлено на то, чтобы подчеркнуть их совершенство.

Так ей было об этом и заявлено в тот душный летний выходной, когда Ольга сидела на скамейке в сквере и обмахивалась газетой. Сбоку от ее левой ноги стояла пара сумок с картошкой, капустой, хлебом и прочей дребеденью, которую ей надлежало переработать и превратить в удобоваримый обед и ужин. Была суббота, и народу в сквере почти не было. Все разъехались кто куда. Кто на дачу, кто на реку, кто

под душную тень загородных лесов.

Ольге ехать было некуда. Дети отдыхали в детских лагерях. Супруг подался к ненаглядной мамочке, помогать ей чистить вишню от косточек. Очень эти двое уважали вишневое варенье. А Ольге ехать было некуда, она скучала одна. Совершенно одна в душном пыльном городе, с плавящимся асфальтом и тающим мороженым, с раздраженными и одуревшими от жары продавщицами этого самого липкого тающего мороженого.

Она вышла из троллейбуса за две остановки до той, на которой выходил ее муж. Он скользнул по ее щеке быстрым поцелуем, посетовал на занятость и с облегчением помахал ей рукой в троллейбусное окно. Уехал к маме, а Ольга пошла на рынок. Набила сумки овощами. Потом выбралась на тротуар и тут же увязла тонкими каблучками летних босоножек в разогретом полуденным солнцем асфальте. Беспомощно оглянулась и, обнаружив неподалеку уютный скверик со скамеечками в тени огромных тополей, поспешила туда.

Там было славно. Относительно прохладно и безлюдно. Это было как раз то, что сейчас ей требовалось для восстановления душевного равновесия. И она его почти обрела, когда на горизонте появился этот субъект. Они выхватили друг друга взглядом, еще находясь метров за десять друг от друга. Мгновенно обежали глазами с головы до ног объект, привлекий их внимание, и с пониманием дела оба улыбнулись.

Он сел рядом с ней и молчал какое-то время. Потом ска-

зал:

– Привет... Скучаем?

Ольга не ответила, величественно поменяв ноги местами, то есть левую переложила на правую. Полы легкого ситцевого сарафана разъехались в стороны, так как пять последних пуговиц никогда не застегивались. Была у Ольги такая «фишка»: если длинная юбка, то непременно с разрезом либо с незастегнутыми пуговицами.

Ее манипуляции не остались незамеченными и были оценены по достоинству. Мужчина наклонился. Вытянул руку. Коснулся ее щиколотки и медленно, так, что у нее мгновенно перехватило дыхание и взмокла спина в вырезе сарафана, провел пальцами по ее ноге. Пальцы с коротко стриженными розовыми ногтями остановились на уровне ее колена и замерли. Ольга перевела взгляд с пальцев на его лицо. Он смотрел вопросительно. Разумеется, а как же еще! Первый шаг им был сделан, выбор за ней. И тогда она... И тогда Ольга сделала шаг ему навстречу. С совершенно хладнокровным видом она чуть заметно кивнула, поощряя его на дальнейшие действия.

– Такое совершенство мало видеть, – пробормотал он тогда хрипло, двинувшись пальцами в запретное путешествие по гладкой коже ее ноги. – Его надо чувствовать... Его надо...

Он замолчал, глядя ей прямо в зрачки своими азиатски раскосыми и потемневшими, будто грозовая ночь, глазами.

Ольга молчала тоже. Все было понятно без слов. Они были сейчас лишними. Тогда он убрал руку с ее ноги. Поднялся, предварительно подхватив с земли ее сумки. Какое-то время смотрел на нее, прищурившись, затем коротко обронил:

– Идем...

И пошел, не оглядываясь, вперед. Он был уверен, что она последует за ним, потому что он знал, кто она. Не в буквальном смысле, конечно, но он точно знал – кто она.

Одна из тех романтических особ, не растрачивающих ждущего блеска в глазах до глубокой старости. Они всегда чего-то обязательно ждали. Будь они трижды счастливы и богаты, они не переставали ждать. Беда была в том, что эти женщины не знали сами, чего ждут. Но это была их беда, не его. И на беде этой дамочки он хотел сыграть. Он еще не знал точно, для чего она ему нужна. Но был уверен в том, что она ему непременно понадобится. Чем больше людей, тем лучше. Больше народу, больше путаницы. А путаница ему была ох как необходима!

Все запутать, замести следы, спрятаться... Какие еще существуют понятия, способные помочь ему избежать возмездия?.. Да мало ли какие. Чем их будет больше, тем лучше. Все перемешать, чтобы никто и никогда не сумел докопаться до правды. Не такие уж они умники, чтобы раскусить его хитрость.

Они сели в такси и в полном молчании доехали до его дома. Ему ни к чему было скрывать свое местожительство.

Как раз наоборот...

Выйдя из такси, Ольга беспомощно оглянулась. Что она делает?! У нее муж и двое детей. Пусть не всегда они ее радуют, особенно в последнее время. Но это ее семья, и она ее любит. В конце концов, она всегда только об этом и мечтала. Кто же мог думать, что это так обременительно и прозаично. И все же она не может так поступить с ними, и...

– Идем... – вновь требовательно произнес ее спутник и пошел к подъезду с провисшим козырьком из давно проржавевшего железа.

Парень оказался скуповат на общение. Ни слова по дороге. Полное молчание в лифте. Даже в полутемной прихожей, куда Ольга с опаской ступила следом за ним, он не произнес ни слова. Швырнул небрежно ее сумки почти у самого порога. Тщательно запер дверь. И тут же пошел из прихожей, даже не взглянув на нее.

Честно говоря, Ольга опешила. Ей-то что делать? Продолжать стоять у порога и ждать, когда он проявит наконец чудеса гостеприимства? Но, судя по предыдущим его поступкам, этого не случится. И Ольга пошла в глубь квартиры, не дождавшись приглашения.

Квартира не принадлежала ему до недавнего времени, это было очевидно. Какие-то стеллажи в прихожей, забитые пустыми банками и старой обувью. Два огромных узла она обнаружила уже в комнате.

Огромное окно без штор с широким подоконником. До-

машинный кинотеатр у самого окна, явно приобретение нового хозяина. Как и широченная разобранная кровать, занимающая большую часть комнаты. Все остальное – тумбочка, черно-белый телевизор на ней, два продавленных кресла – принадлежало, по всей видимости, прежним жильцам. Комната была всего одна, и самым неожиданным открытием для нее было то, что в ней этого типа не было.

Ольга растерянно заморгала и только хотела оглянуться, как сзади ее обхватили его руки и с силой притянули к себе. Тут она, не сумев сдержаться, и взвизгнула. Получилось неловко, некрасиво, как-то не по-женски. Ольга смутилась и покраснела. Ей так хотелось быть неотразимой и сексуальной, а тут...

Но он не обратил на это внимания. Или обратил, но смолчал из вежливости. Осторожно, как фарфоровую, развернул ее к себе лицом. Что-то неслышное выдохнул ей в ухо. И все... Все остальное было настолько новым и невероятным для нее, что все ее чувства слились в одно огромное и неповторимое ощущение обжигающего блаженства.

Ольге казалось, что она сходит с ума. Что так не бывает, так не может быть с человеком, которого видишь впервые в своей жизни! Но так было, было, было... Она умирала и рождалась заново. Она молила о пощаде и просила его взять ее снова и снова...

Потом она долго шла домой. Шла пешком, пытаясь остудить разгоряченное тело и полыхающую душу в теплых пото-

ках закатного воздуха. Вошла в квартиру и, обрадовавшись тому, что супруга все еще нет дома, юркнула в ванную.

Ледяной душ. Только он способен помочь ей снова обрести себя – домашнюю и верную, спокойную и хлопотливую. Но нет, не помог. Ни ледяной душ, ни время. Ничто не спасло ее от дикого зова, который всякий раз гнал ее к нему. Это происходило снова и снова. Это затягивало ее, как омут. И это становилось тем, без чего она уже не могла жить...

Ольга судорожно вздохнула и критично осмотрела себя в зеркале. Хороша! Без ложной скромности можно сказать, что хороша. Теперь еще необходимо правильно подобрать одежду, чтобы после работы сразу уехать к нему, не переодеваясь. Сегодня ей нужно быть неотразимой и в то же время по-деловому подтянутой. Сегодня, в пятницу, двадцать девятого октября, у Ольги важный день. Так, во всяком случае, она решила. День, который в корне изменит всю ее дальнейшую жизнь. День, которого она ждала слишком долго...

Он должен будет позвонить ей во второй половине дня и назначить встречу. Она чуть опоздает. Зайдет купить бутылку шампанского и фруктов. Пусть инициатива сегодня исходит от нее. Пусть это для него явится сюрпризом. Лишь бы сегодняшней день удался. Господи, сделай так, чтобы он удался! Чтобы никто и ничем не испортил ей настроения. И чтобы к нему она пришла такой же свежей и не взвинченной, как в эту минуту.

Все с самого утра пошло не так...

Все словно походили с ума, заставляя ее нервничать и кричать на них. Орать ей было никак нельзя, потому что, когда она нервничала, лицо покрывалось красными пятнами, которые долго потом не проходили. Но Ольга ничего не могла с собой поделать. Все, начиная с Генки и Володьки Самохина и заканчивая этой бледнолицей дурой из отдела АСУП, словно заключили негласное соглашение, с тем чтобы вывести ее из себя. Она надерзила своему непосредственному начальнику Володьке. Вывела из себя Генку так, что после обеда он отпросился и ушел домой. Ну и, конечно же, не обошла вниманием Перову. Той досталось по полной программе.

Не будут к ней лезть, черт возьми! Ей ни до чего сегодня нет дела! У нее сегодня очень важный день. Очень! И ничто не способно своротить ее с того пути, который она для себя выбрала. И тот факт, что он так и не позвонил ей в эту пятницу, несколько ее не смутил и не расстроил. Такое случилось и раньше. И причин тому находилось множество. От неработающего телефона до элементарной занятости. Это не помеха. Нет... Только бы дождаться конца рабочего дня и вырваться на волю из этих душных стен.

Ольга рассеянно смотрела в монитор компьютера, совершенно не слушая, о чем ей уже полчаса толкует Володя. Пусть все идут сегодня к черту. Сегодня или никогда!

И тут раздался звонок. За две с половиной минуты до конца рабочего дня он все же позвонил ей. Скороговоркой пробормотал извинения и закончил свою речь немудреным при-

глашением. И тут же отключился. Но этого было достаточно, чтобы Ольга тут же преобразилась.

И слова Володи обрели какой-то смысл. И бумаги, что он настоятельно просил ее изучить к понедельнику, нашлись на ее столе. Все мгновенно встало на свои места и обрело значимость. Ей бы собраться и уйти тотчас. Ан нет... Решила все же раскрутить свою ненависть к Перовой на всю катушку. Позвонила ей и испортила настроение. Никто не имеет права на счастье сегодня! Никто, кроме нее – Ольги Ветровой. Она его заслужила...

Глава 5

В автобусе было малоллюдно. И почти все пассажиры – женщины. Плохой знак. Для него вообще-то много чего в этой жизни служило символами. Этот знак он расценил как дурное предзнаменование. И настроение сразу испортилось. Не нужно было соглашаться. Не хотел ведь, что-то теперь из всего этого выйдет...

– У вас свободно? – миловидная пенсионного возраста женщина стояла рядом с ним и вопрошающе взирала на свободное сиденье у окна. – Вы позволите?

А чего не позволить? Да бога ради, если хочется ей тесниться рядом с ним и пялиться в окно на раскисшее утро последнего дня октября. Пусть себе сидит, не мешает. Хотя все равно странно. Полно свободных мест, а она отчего-то решила сесть именно сюда. Начать волноваться или подозревать ее в чем-нибудь? Нет, не стоит. Мало ли какой у бабы бзик, чего уж так сразу ее заподозрить! Можно подумать, ему нечем занять свои мозги. Тем, например, с чего он начнет свою работу. Или чем он займется, когда ее закончит.

Осядет где-нибудь в деревне. Купит добротный дом-пятистенок. Разведет кур. Женится на доярке. Грудастой такой, розовощекой, пышущей здоровьем и желанием сделать его счастливым. Пойдут дети...

Здесь его рассуждения дали сбой, и он невольно улыбнулся.

ся. Дом с дояркой – это, конечно, хорошо, но это все не для него. Его счастью не суждено догнать его на этой грешной земле. Оно где-то точно заблудилось. И вообще – он устал. Устал от этой жизни. Устал от того, как бесславно она завершается. Он знал об этом не понаслышке. Он был творцом этого конца. Это было его ремеслом, которое он выбрал не по призванию и которое не так давно сделалось ему противным.

Нет, не нужно было соглашаться на это последнее дело. Решил ведь уйти! Тогда зачем? Он и сам не знал. Как не знал, почему он вообще выбрал этот путь. Часто он задавал себе этот вопрос, последнее время все чаще и чаще, и не находил ответа.

Его не обижали в детстве сверстники. Не насильовала мать. Не унижали учителя. Он мало в чем нуждался. Одним словом, все было нормально в плане его психики. Тогда почему он стал тем, кем стал? Так мало этого, он стал лучшим из тех, кем стал! Почему?! Ответа не было. Но ведь он же должен был быть! Непременно должен! Тогда кто ему поможет найти его?!

Может, в этом и заключается разгадка его согласия? Может, потому он и едет в этом автобусе? Надеется не только найти парня, который захотел соскочить с крупной партией товара, а еще и ответ на вопрос, который не дает ему спокойно спать все последнее время.

Кирилл скосил глаза влево. Пожилая женщина внима-

тельно изучала струи дождя, медленно ползущие по автобусному стеклу. Или ловила его отражение в нем?.. Нет, вряд ли такое возможно. Да и кто его сможет узнать сейчас? Разве только матушка сумела бы, но ее давно нет. Для остальных Кирилл был теперь трудно узнаваемым. Мастер перевоплощения. Ему бы сам Шерлок Холмс позавидовал, с такой виртуозной ловкостью он изменял свою внешность. Сейчас вот, например, он был бедным студентом.

Поношенная куртка с обтрепавшимися петлями и засаленными карманами. Спортивная, давно потерявшая первоначальный цвет вязаная шапка, надвинутая почти на самые брови. Старомодные очки в грубой черной оправе. И дорожная сумка, которую он еле втиснул на полку под потолком. Широкие черные брюки с заляпанными внизу штанинами.

Таким Кирилл должен был въехать в этот город – безликим и серым. Потом он должен был слиться с людьми и затеряться в городских толпах, таких же безликих и серых, как это последнее октябрьское утро за окном автобуса.

Нет, интересно, что там можно так долго рассматривать! Тетка непременно должна была давно сойти с ума от пейзажа, расстилавшегося за окном. А она – ничего, сидит и спокойно смотрит. И еще что-то нашептывает про себя, беззвучно шевеля при этом губами. Может, песню поет или стихи сама себе декламирует. Пойми их, стариков! Ему таким не быть, это точно. Он просто не доживет до такого возраста. Смерть, которой он так умело управлял все это время,

непременно настигнет его...

– Что вы говорите? – вежливо склонил Кирилл ухо к женщине, потому что за секунду до этого она что-то сказала ему.

– Славно как, молодой человек... – мечтательно пробормотала она, не отрывая взгляда от окна. – Вы не находите?

– Что именно? – решил все же уточнить Кирилл.

Мало ли что имелось женщиной в виду. Идти на поводу у случайно оброненной ею фразы он не собирался.

– Жить, молодой человек, славно. Радоваться каждому дню, дарованному нам господом, это ли не чудо?!

Он очень внимательно посмотрел на нее и согласно кивнул. Не объяснять же ей, что порой он сам выступал в роли этого самого господина! И решал за Него, когда и сколько подарить счастливых минут жизни кому-то. Она все равно не поймет. В лучшем случае придет в ужас. В худшем – заорет что есть мочи. А ему шум ни к чему. Ему надо вести себя тихо и незаметно. Сначала проникнуть в этот город. Потом разыскать там одного умника. Тихо и незаметно привести приговор в исполнение. И так же, не поднимая шума, исчезнуть...

– Вы, молодежь, не цените всего этого, – не унималась женщина, продолжая философствовать на тему, которую он уже давно изъездил вдоль и поперек. – Вам кажется, что жизнь бесконечна и что в любой момент можно начать жить заново. Но этого не случится. Это прозрение, наступающее нас в старости, бессердечно валит нас с ног и лишает воли.

И знаете, молодой человек, что самое страшное в этом прозрении?

Кирилл вытаращил на нее глаза за толстыми стеклами очков, стараясь, чтобы его взгляд казался попутчице как можно более любознательным.

– Самое страшное – оставить за собой пустошь! – в ее голосе отчетливо зазвучала слеза. – Это открытие убивает полхлебе раковой опухоли или выстрела...

Она на минуту замолчала, а он мгновенно насторожился. Что она имела в виду, говоря о выстреле? На самом ли деле ее интересует предмет разговора, или это умелая тактика прощупывания объекта?

– А что же тогда должно сделать человека счастливым? – осторожно произнес он, не спуская с нее глаз. – Что может осчастливить его на пороге смерти?

Не надо было этого говорить! Зачем заговорил о смерти? Каким ликованием загорелись тут же ее глаза! Либо умело поймала его на чем-то, либо... Либо просто обрела в его лице приятного собеседника, которого ей удалось заинтересовать своей старческой трепотней.

– Любовь, молодой человек! – Она даже привстала, настолько чувства переполняли ее. – Только любовь на это способна!

Знать бы еще, что это такое! Об этом можно болтать бесконечно и так и не узнать до конца, существует ли она на самом деле. Точно так же, как нескончаемые споры о суще-

ствовании потустороннего мира. Он вот ни за что не подпишется под тем, что этот мир существует, хотя неоднократно отправлял туда людей за последние десять лет.

– Вы это непременно поймете, молодой человек, – пообещала ему женщина, когда они уже выходили из автобуса на автостанции города, в котором ему надлежало завершить свою бесславную карьеру. – Как только полюбите по-настоящему, так сразу...

– Что сразу?! – перебил он ее, начиная раздражаться от ее навязчивости.

– Так сразу же и обретете счастье!..

Их тут же разделила толпа встречающих, и больше Кирилл ее уже не видел. Но ее странное жизнелюбие и всепоглощающая вера в любовь засели у него в печенках и не давали покоя еще битых два часа. Он пытался проанализировать причину своего раздражения, которое граничило со странным беспокойством, и в конце концов пришел к ошеломляющему выводу, что он... завидует этой престарелой тетке! Завидует тому, что она способна радоваться такому мерзкому хмурому утру, что она во что-то еще верит, хотя прожила долгую и вряд ли легкую жизнь, и что она знает, что такое любовь. Кирилл – не знал...

Он был машиной для убийства. Профессионалом, не знающим страха и боли. Все, что когда-то им делалось, работало беспроигрышно. За это ему платили. Хорошо платили, щедро. Ему было все равно. Он не любил деньги, как не лю-

бил вообще ничего и никого. Даже дело, которому он отдавал всего себя, он не любил. Он просто умел его делать...

Человека, которого ему надлежало нейтрализовать, звали Азик. Почему-то Кириллу не нравилось слово «убрать» или «убить». Нейтрализовать... Всеобъемлюще и корректно. Так вот, этот Азик долго и настырно напрашивался на то, чтобы его нейтрализовали.

Имя Азик не было настоящим. Звали того типа как-то мудрено и труднопроизносимо. Азиком его прозвали за абсолютно азиатскую физиономию. Высокие скулы, пронзительные черные глаза и тонко очерченные, вишнево-красные губы. Смуглый, великолепно сложенный и до неприятно-привлекательный. Настолько привлекательный, что бабы млели от одного его присутствия рядом. Кириллу рассказали очень много историй о соблазненных и брошенных Азиком. Были и трагические случаи.

Он был почти уверен, что в этом городе Азик тоже успел наследить. А посему свои поиски ему следует начинать с поиска обиженных им женщин. Таковые непременно найдутся. Кирилл был в этом уверен так же, как в том, что свое последнее дело он завершит безукоризненно.

Глава 6

– Оленька, можно узнать, что с тобой стряслось?

Супруг смотрел на нее с болью и состраданием, и от этого ей было гораздо хуже. Еще хуже, чем в тот момент, когда она...

Нет, об этом нельзя даже думать, не то что говорить вслух! Иначе она непременно взорвется и завизжит. Или, чего доброго, выбросится из окна. Нет, на это ее вряд ли хватит. Она слишком любит себя, слишком любит жизнь, чтобы позволить всяким форс-мажорным обстоятельствам превратить свое совершенное тело в бесформенную грудку мяса и костей. Нет, такое не о ней и не для нее. Все, что она могла себе позволить, так это устроить разнос своему семейству в этот воскресный день.

Последний день октября... Чем же он был ознаменован? Не воскресным обедом – нет. И не милой безделицей, которую она всегда преподносила своей дочке в конце месяца, потому что та становилась еще на один месяц взрослее. Ничего этого не было. Были только боль и пустота, в которых ее скукожившаяся израненная любовь плавала, словно в ртути. Все стало вдруг серо-стального цвета и приобрело омерзительный металлический привкус. Все, все. Вся ее жизнь и все ее несбывшиеся надежды...

– Оленька, ответь мне! – Супруг зашел в их спальню,

плотно закрыл дверь, щелкнув шпингалетом, и опустился перед ней на колени. – Что с тобой, родная? Ты второй день сама не своя. У тебя неприятности на службе?

Ольга смотрела на его склоненную к ее ногам голову и силится вспомнить, почему же она именно его выбрала в мужа. Он был обычным. Не выдающимся, не хватающим звезд с неба, даже красавцем он не был. Все, чем он мог похвастаться, так это надежностью. Вот чего ей, наверное, не хватало в тот момент. Этим он ее и взял. Надежностью и незыблемостью. Ее супруг был словно утес, на котором она попыталась воздвигнуть свой собственный замок. Воздвигнуть-то она его воздвигла, но на этом все и закончилось. Ни любви, ни тепла не поселилось в том замке. Холод и пустота... Пустота и нелюбовь...

– Господи, как же мне больно, Саша! – прошептала Ольга чуть слышно, но он услышал и мгновенно насторожился. – Моей боли слишком много мне одной...

Слезы медленно скатились по ее щекам, тяжелыми каплями упали на его волосы и исчезли.

– Поделись со мной, родная... Тебе будет легче, вот увидишь! – он снова поднял к ней бледное лицо с переполненными состраданием глазами. – Мы же семья с тобой, ты помнишь? Я помогу тебе, вот увидишь!

Господи! Чем он мог помочь ей? Чем?! Его надежность и незыблемость здесь не помогут. Интеллигентность и обостренное чувство такта тоже бессильны. Чем тогда еще

мог ей помочь любитель вишневого варенья без косточек...

– Оленька...

Супруг поднялся с колен и заходил по их спальне. От окна к стене, от стены к окну и обратно. Ольга сидела в уголке в старом мягком кресле, которое они с Сашей купили на рынке, когда еще только-только обзаводились мебелью. Куталась в байковую ночную рубашку, которую не снимала уже второй день и которую еще в пятницу утром так остро ненавидела, и наблюдала за метаниями супруга.

Он вдруг остановился и очень пронзительно посмотрел на нее. Так, словно пытался прочесть что-то, что сокрыто было от его глаз до сего времени.

– Я все знаю! – сказал он вдруг срывающимся на трагический шепот голосом.

– Что ты знаешь? – Ей стало интересно.

– Я все давно знаю!.. Про тебя и про него!.. – Он почти упал на краешек кровати, уперся локтями в колени и спрятал лицо в ладонях. – Я это почувствовал сразу. Я не мог этого не почувствовать, ведь я так люблю тебя!

– Я не понимаю... – осторожно начала Ольга.

– Да все ты понимаешь, милая, все! Хватит меня дурачить, в конце концов! Пощади меня хотя бы в этом! – Саша отнял ладони от лица и глухо проговорил: – Но я не отпущу тебя к нему, так и знай! Я буду бороться за тебя! Я хороший конструктор, Олька... Мне предлагают работу за границей. Предложили выехать всей семьей. Мы уедем, и ты все забу-

дешь. Слышишь меня? Не молчи, Олька! Только не молчи. Я все выдержу, поверь. Только не твое отсутствие. Я не отдам ему тебя!..

– Успокойся, Саша! – Ей вдруг сделалось так жаль его, что она заставила себя слезть с кресла и, подойдя к кровати, обхватила его голову руками. – Успокойся, Саша... Тебе не с кем меня больше делить... Потому что... Потому что тот человек мертв...

– Как мертв?! – Саша поймал ее руки и сильно сжал ее ледяные ладони в своих. – Что ты говоришь? Он что, болел?

– Нет, наверное... Не знаю... – Ольга позволила ему усадить себя рядом с собой, не воспротивилась, когда он обнял ее и силой прижал к своему надежному и крепкому плечу. – Может, и болен он был... Скорее всего, на голову... Его убили, Сашка!

– Убили?! – эхом повторил он, и она почувствовала, как сильно напряглась его нога, о которую она опиралась левой рукой. – Как – убили?!

– Окончательно и бесповоротно... Я не хочу больше говорить об этом... Ты... – Ольга подняла на мужа заплаканное лицо и с надеждой посмотрела на него: – Ты ведь сможешь мне, Сашка? Ты ведь не оставишь меня? Один на один с моим горем?

Это было бессердечно по отношению к нему, она это знала. Это усугубляло его боль, которую она и без того ему причинила. Но от его ответа сейчас зависела вся ее дальнейшая

жизнь. Если... Если и он оттолкнет ее, то ее жизни больше нет...

– Оленька, – Саша осторожно поцеловал ее в лоб. – Я никогда, слышишь, никогда не оставлю тебя... И в радости, и в горе... Помнишь нашу клятву?

– Помню...

Ничего она не помнила. Многое из того, что обещала ему и не исполнила. Но это не было важным сейчас. Важно было то, что он ее муж и он защитит ее. Защитит и никогда, никогда не предаст, не то что...

– Сашка, – позвала она его тихо, почувствовав вдруг сильную необходимость произнести его имя и услышать в ответ свое.

– Да, Оленька, – тут же откликнулся он, продолжая целовать ее в лоб и висок.

– Пойдем пить чай. Ребята что-то притихли. Они вообще-то дома?

– Все дома, милая, – он рассмеялся с облегчением. – Все дома и ждут, пока их мамочка переоденется к чаю.

– Как это?

– У нас все давно готово. Все ждут тебя, родная. Давай быстренько приводи себя в порядок и к столу.

Саша деликатно вышел из спальни. А Ольга встала и подошла к фамильному трюмо красного дерева, доставшемуся Саше от его бабки.

Господи! Как можно так загонять себя в угол?! Волосы

растрепаны. Глаза опухли от слез. Вокруг рта – непозволительно глубокие складки. Так же нельзя, в самом деле! Она еще достаточно молода, красива, у нее прекрасная семья. И ей совершенно плевать на то, как закончил свою жизнь этот человек.

Как она могла так вляпаться?! Зачем ей было это нужно? Ведь все в нем было порочным и запретным. И красота, которой наградил его всевышний. И удовольствие, которым он так пленил ее. И сама смерть, которую он принял на взлете, тоже была запретной...

Но думать теперь об этом ей совсем необязательно. Ведь его больше нет, все, что у нее теперь осталось, – это ее семья. Надо постараться сохранить хотя бы это...

Глава 7

Частые капли бойко отстукивали по старой оцинковке подоконника.

Дождь...

Татьяна Ребрикова высунула нос из-под одеяла, зябко поежилась и снова нырнула в спасительное тепло постели. Воскресный день все-таки, имеет она право поспать чуть подольше или нет? А дождь пусть себе идет. Она вчера вместе с мужем предусмотрительно вывесила белье на чердаке. Раскрыла оба слуховых окна так, чтобы был сквозняк. Ничего, при таком ветре все должно быстро просохнуть. И ее ребята завтра поедут в школу в свежевыстиранных и отутюженных брючках. Ее рабочий халат тоже наверняка просохнет, и эта неженка – Сонька Перова – не будет морщить свой аккуратный носик в ее сторону. Ах да, Соньки завтра и быть не должно! Это очень кстати. Хорошо, что додумалась отправить ее в командировку. И знать не знала, что все так кстати придется...

За тонкой перегородкой слышались шорох и следом – сдавленный смешок. Так, сорванцы проснулись. Сейчас начнут просить есть. Ничего, на сей раз она окажется подготовленной. Ей есть чем удивить их этим пасмурным воскресным утром. И пирог успела испечь, когда их лохматые головы уже давно покоились на подушках. Картошка начищена.

Котлеты осталось только обжарить. А помидоры с огурцами нарезать на салат – дело трех минут.

Хорошо, что вчера все успела. Сегодня можно будет побаловать себя ничегонеделаньем. Понежиться с книгой, а то и просто так посидеть у раскрытой настежь печки и послушать треск поленьев, она это любила. Сегодня Татьяна могла себе это позволить. Вчера – нет. Вчера ей нужно было непременно что-то делать. Нужно было хоть чем-то занять себя, чтобы не позволить чувствам вырваться наружу. Она очень опасалась, что ее семья что-то заподозрит. Начнет приставать, спрашивать. Врать им она не могла. Как не могла и сказать им правды. Это бы сломило их, разрушило бы их привычный уклад жизни, который она так долго и тщательно оберегала. Сегодня ей уже чуть легче...

– Тань, – сонным шепотом пробормотал муж и привлек ее к себе теснее. – Ребята спят?

– Не-а, – ответила Татьяна и догадливо улыбнулась. – Ты опоздал...

Последовал разочарованный тяжелый вздох и следом вновь – ровное сонное сопение супруга.

Татьяна выбралась из его объятий, натянула теплый спортивный костюм, из которого не вылезала дома, и, потягиваясь, прошла по их крохотной спальне. Три шага от окна до хлипкой двери. Два – от кровати до шкафа. Не велик простор, но Татьяна была и этому рада. На двери защелка, и никто не мог войти в тот момент, когда она переодевается, на-

пример. Или не мог застать их, когда муж воровато и жадно целовал ее...

Нет, она любила свой крохотный домик, который многим напоминал избушку на курьих ножках. Татьяна так не думала. Стены есть. Крыша над головой добротная. Печка огромная. Если ее натопить посильнее, то тепла хватало почти на всю ночь. И опять же – не это тепло ее всегда заботило. А то, которое источали любящие сердца ее домашних. Они не могли друг без друга. И им было так хорошо вместе, все равно где, но только вместе.

Неожиданно она остановилась, словно наткнулась на невидимую преграду. Сердце надсадно заныло и затрепыхалось пойманной птицей. Ноги мгновенно сделались ватными, а ладони начало покалывать, что случалось всегда, когда на нее накатывал страх.

Почему она не подумала об этом? Господи! Вдруг ее кто-то видел, когда она выходила из его квартиры?! Нет... Кажется, никого не было. Или был?..

Татьяна подошла к окну, отодвинула штору и уставилась на перекопанную клумбу. Огромные комья чернозема масляно поблескивали, казалось, они плавятся под проливным дождем. Старая ива уныло свесила голые ветви почти до самой земли. Дверь сарая распахнуло ветром, и она теперь неприкаянно покачивалась, скрипя ржавыми петлями.

«Надо было закрыть вчера на дощечку...» – вяло подумала Татьяна, неспешно переводя взгляд с одного предмета на

другой. Скамеечку для ног ребята забыли в дом затащить, тоже вымокла теперь...

Что-то будет с ними, если ее не будет в их жизни?! Они же пропадут! Пропадут на второй же день. Муж – ласковый, сердечный – просто большой ребенок. Сыновья – точная его копия. Все держится на ней, как на трех слонах... Нет, она не позволит никакой беде ворваться в этот дом! Она сама защитит эти хлипкие стены от вторжения извне любого горя.

Она непременно что-нибудь придумает. Не зря ее считают хорошим программистом. Свою жизнь она тоже сумеет настроить под программу. Все пойдет по тем виткам, которые она задаст. Ничто не должно начать сбоить. Пока ей это удавалось. Медленно, не такими темпами, как ей бы того хотелось. Но все пока удавалось. От клейма неудачницы и замарашки она избавится. Каких бы сил ей это ни стоило, Татьяна не уступит никому прав на свое собственное счастье. Она его по праву заслужила...

Глава 8

Субботнее утро началось, как всегда, с неповторимого аромата пекущегося пирога и жужжания миксера. Мама взбивала омлет. Она всегда его взбивала миксером, не доверяя никаким другим подручным средствам вроде вилки и их пружинного венчика. И омлет у нее получался необыкновенно пышным, ноздреватым, с аппетитной румяной корочкой. Потом на завтрак должен быть подан еще какой-нибудь легкий салат. Неизменный свежееотжатый сок. Кофе, чай, какао, причем все сразу, потому что каждый член их семьи предпочитал что-то свое. И, конечно же, мамин пирог с ароматной антоновкой и пышной шапкой взбитого белка сверху.

– М-м-м, – промурлыкала блаженно Сонечка и сладко потянулась в своей кровати с накрахмаленным французским постельным комплектом. – Как славно, что сегодня суббота...

Прошедшая неделя была для нее сущим наказанием. Все словно сговорились известить ее именно в канун ее двадцатипятилетия.

Татьяна Ребрикова явилась во вторник на работу туча-тучей и не расцветала уже потом всю оставшуюся неделю. Соню загоняла по пустяковым заданиям, выполнять которые ей было совсем необязательно. Всякий раз, когда Соню требовало к себе начальство, Ребрикова и вовсе странно себя вела.

Принималась кричать на нее при посторонних, чего не случалось прежде никогда, и вменяла ей в вину какие-то проступки, о которых Соня и представления не имела.

– Не обращай внимания, у бабы климакс начинается, – хмуро заметил Сонин помощник Виктор Михайлович, выполнявший самую грязную и неблагодарную работу по заправке картриджей. – Или начальство ею недовольно, вот она воду и сливает на нас...

Как бы там ни было, но такое поведение казалось Перовой возмутительным, а претензии – необоснованными.

Ольга Ветрова тоже не добавила позитива, всякий раз при встрече презрительно кривясь в ее сторону и шипя что-то неразборчивое Соне в спину. А в пятницу и вовсе сдурела. Ни с того ни с сего набросилась на бедную Соню едва ли не с кулаками.

– Все из-за тебя, дрянь! – остервенело звенящим голосом выплонула Ветрова в адрес Сони, когда они вновь столкнулись у умывальника с чайниками и чашками. – Ненавижу тебя!

– По-моему, у вас не все в порядке с психикой, – сделала робкое предположение Перова, пытаясь обойти Ветрову стороной и стараясь как можно скорее выйти из туалета.

– Надеешься обрести с ним счастье, дура?! – Голос Ветровой едва не срывался на визг. – Не надейся! Никому еще это не удавалось, никому! А у тебя уже сердечко в предвкушении заныло, так?! Ничего не выйдет, поверь мне!

Соня и не хотела бы ее слушать, но ничего не смогла поделать с собственным любопытством, которое мгновенно заставило ее приостановиться и выслушать Ветрову до конца.

– Ты не сможешь изменить его! – понизила голос почти до шепота Ольга и, кажется, даже всхлипнула. – Он такой, какой есть, и он не для тебя!

– Но ведь и не для вас, – осторожно заметила Соня, уязвленная последними словами Ветровой. – И с чего это вы так волнуетесь? Если мне не изменяет память, у вас ведь имеется в наличии супруг и парочка детишек... С чего бы вам тогда так переживать из-за чужих женихов?..

Она только потом сообразила, что ляпнула. Ни разу ведь с самого понедельника не подумала о Геннадии как о возможном претенденте на собственную руку и сердце, а тут возьми и скажи такое! Видимо, желание позлить Ветрову оказалось сильнее голоса разума, вот и брякнула невесть что.

Ольга отпрянула от нее, мертвецки побледнев. Потом резко отвернулась и какое-то время наблюдала за тем, как бурным потоком сбегает вода в сток раковины.

– Жених, значит... – обронила она потом глухо. – Ну, что ж... Прими мои поздравления...

– Спасибо, – Соня неизвестно от чего повеселела и даже пожалела бедную Ольгу, гнев которой ей был абсолютно непонятен.

Она вышла из туалета, нарочито медленно закрывая дверь. Все ждала, что Ольга еще что-нибудь добавит, как это

она любила – в спину. Но Ольга промолчала. И не догнала Соню. Зато под самый конец рабочего дня, когда Соня мыслями уже перенеслась в свой самый любимый день – первое ноября, Ольга ей позвонила по внутреннему телефону.

– Слушаешь меня, Сонечка? – ласково поинтересовалась она.

– Слушаю, – Перова нетерпеливо бросила взгляд на часы: пошел уже седьмой час, и ей давно было пора сворачиваться и топтать домой.

– Так вот слушай меня и запоминай... – последовала трагическая пауза, нарушаемая треском несовершенной связи. – Как бы тебе ни хотелось, дорогая, заполучить его, у тебя ничего не выйдет. Он всегда будет принадлежать...

– Вам? – перебила ее Соня, устав и от Ольги, и от ее назойливой предупредительности.

– Нет, дорогая, он всегда будет принадлежать только себе и своему прошлому. И тебе его никогда не заполучить...

И все. И бросила трубку. И разозлила Соню, расстроила. С чего бы, спрашивается, Соне было так расстраиваться, если Гена до последнего момента ее вовсе не интересовал? А теперь?..

А теперь она затруднилась бы ответить на этот вопрос однозначно. Выходило так, что все выпады и нервозность Ветровой возымели прямо противоположный эффект.

Соня им заинтересовалась. Заинтересовалась настолько, что, когда этим же вечером они выходили из офиса, она при-

нялась отыскивать в толпе служащих его высокую фигуру. А не найдя, огорчилась. С чего бы это? Кто знает...

– Сонечка, детка, – певуче позвала мама из коридора и поскреблась в дверь аккуратно наманикюренным ноготком. – Ты проснулась?

– Да, мама, уже встаю.

Соня выбралась из постели, натянула поверх пижамы домашний халат тончайшего шелка, привезенный папой из очередной командировки, и пошла к родителям.

Они уже расселись за обеденным столом на своих обычных местах и пристально смотрели на дочь, которая спросонья казалась им еще более прекрасной, чем обычно. Смотрели они на нее почему-то настороженно. Это ее озадачило. Не хватало ей еще того, чтобы и ее старики начали что-нибудь менять в ее стабильном и счастливом мире.

– Привет, – весело поздоровалась Соня, старательно делая вид, что не замечает их озабоченности.

– Доброе утро, дорогая, – поочередно ответили ей родители. Отец перегнулся через стол и чмокнул дочь в упругую свежую щеку. – Как спалось?

– Прекрасно, – Соня взяла в руки стакан с соком. – Все в порядке, как всегда... А что?

Они быстро переглянулись. Мама тут же спрятала глаза и принялась накладывать в папину тарелку омлет с общего блюда. Отец повел себя более решительно и после непродол-

жительной паузы ошарашил дочь известием.

– Как это?!

– А вот так, – отец ласкающим взглядом обежал фигуру дочери. – Ты у нас девочка завидная, любому приличному человеку составишь выгодную партию...

И он начал долго и пространно ей объяснять причину своей озабоченности и всего остального, что этому предшествовало.

– И вы сочли, что эту выгодную партию мне составит этот очкарик?! – От возмущения родительским вероломством у нее мгновенно пропал аппетит. – Как вы могли?! Это же не Средневековье, в конце концов! Они решили, видите ли! Они имели беседу с его родителями! А со мной?! А со мной кто имел беседу?!

– Соня! – Отец повышал на нее голос раза три за ее жизнь, это был четвертый, и она сразу сникла. – Не смей так разговаривать с родителями. Тебе давно пора выходить замуж. Скоро тебе стукнет четверть века, для девушки это непозволительный возраст! Молодость и красота – зыбкая субстанция, которая минует, не успеешь глазом моргнуть! Скольким претендентам ты ответила отказом, скажи?

Ей было стыдно признаваться, что ни скольким. Что никто и никогда не делал ей предложения выйти замуж. Родители могли строить догадки и предположения, но ей до сего времени такого вопроса ни разу не задали. Теперь же они ее об этом спросили, и Соня не знала, что отвечать.

– Вот! Ты всем давала от ворот поворот, – расценила мама ее молчание по-своему. – И сколько это может продолжаться? Ты всем отказываешь, а годы идут. А Игорек – очень выгодная партия.

– Очень! – фыркнула Соня, припоминая прыщавую, вечно лоснящуюся физиономию сына их друзей. – Такая выгодная, что можно утопиться!

– Как ты смеешь так разговаривать с нами? Мы никогда не лезли в твою личную жизнь, полагая, что ты взрослая серьезная девушка и сама разберешься, что к чему. Но выходит, что мы ошиблись, – отец уже в пятый раз за ее жизнь повысил на нее голос. – И решать теперь будем мы, а не ты!

– Ну почему? – возмутилась со слезами в голосе Соня, зная, как трогают родителей ее слезы.

– Потому что пришла пора, дорогая, – не принял ее «подачи» отец. – И медлить дальше нельзя. А Игорек...

– Нет! – Соня вскочила из-за стола, толкнув его и расплескав сок из стаканов, что было непозволительной грубостью с ее стороны. – Кто угодно, но только не он! Я не могу его видеть! Я не хочу его видеть! И я вообще не хочу его как мужчину, вот!

Она выбежала из кухни, услышав, как возмущенно охнула при последних ее словах мама, закрылась в своей комнате и, не выдержав накала страстей, расплакалась теперь уже по-настоящему.

Что происходит?! Что вдруг случилось с ее прекрасной и

удобной жизнью? Почему все начало рушиться так сразу и вдруг? Она же никому не желала зла и ничего не хотела менять в своей жизни, что же всем от нее вдруг понадобилось?..

Игорек! Да она под страхом смертной казни не пойдет с ним к венцу. Ее передергивало от одного его рукопожатия – оно было влажным и вялым, словно в руку ей вложили дохлую рыбину. Где уж тут думать о совместном счастье, если одно его присутствие рядом с ней сводит ее с ума!

Нет! И еще раз нет! Кто угодно, только не он.

А тогда кто?

Ее родители затеяли с ней этот разговор не из простой блажи, она это знала. Отец был сильно озабочен тем, что они с мамой на сей раз уедут вместе, причем надолго. Забрать с собой дочь пока не представляется возможным. Оставить одну они ее тоже не могут. Посему пришла пора выдать дочь замуж, чтобы жила она без них под защитой и опекой верного супруга. Игорек, по их понятиям, подходил на эту роль как никто другой. Но по ее понятиям так не выходило. А посему...

– А посему, дорогая! – строго молвил ее отец спустя пару часов после ее истерики. – У тебя ровно месяц на то, чтобы представить нам твоего избранника! Еще месяц на то, чтобы оформить ваши отношения. А там... А там мы с мамой уедем.

– Но папа!.. – попыталась возразить ему Соня дрожащим от возмущения и обиды голосом.

Никогда прежде с ней так не разговаривали. Никогда не требовали принимать никаких решений, все решая за нее. Ей было так удобно, и она никогда не роптала. Родители знали, в какой институт ей идти учиться. В какую фирму идти работать. Они бы и замуж согласны выдать ее без ее участия, если бы это было возможным.

А Соня вдруг возьми и взбунтуйся...

Выходные прошли в напряженной, натянутой обстановке. Не было любимых всеми вылазок за город. Семейный воскресный обед прошел в полном молчании. Приготовления к Сониному дню рождению скомкали до самого скромного предела. Объяснения были все теми же. Если дочь не хочет выходить замуж за Игоря, значит, не следует звать его семью в гости. Если не звать их, значит, и других тоже. А значит, и торжеств по этому поводу не будет. Все предельно скромно, по-домашнему.

Все рушилось. Рушилось с небывалой скоростью и отчаянным треском. Так, во всяком случае, казалось бедной Соне Перовой, послушной милой девочке, дожившей без горя и печали до двадцати пяти лет. Никогда, ни в одном кошмарном сне ей не могло привидеться то, что ее родители создадут враждебную оппозицию и будут с таким напором давить на нее.

– Ты что же, думала всю жизнь прожить в одиночестве? До какого возраста ты планировала оставаться одной? – с горечью воскликнул ее отец, когда в канун понедельника Соня

попыталась немного разрядить обстановку в доме. – Я понимаю, что так тебе удобно, дорогая, но это же противоестественно! Человек не может оставаться одиночкой. Родители не вечны, а что будет с тобой, когда нас не станет?

– Где гарантия, что мне повезет, как вам с мамой? – пыталась Соня выдавить из себя кислые примирительные улыбки.

– Вот поэтому Игорек...

И снова здорово! И опять нудные разговоры о том, какой он надежный и благовоспитанный, к тому же обеспечен материально и имеет хорошие корни. И все в таком же духе...

Кончилось все тем, что в понедельник, то есть первого ноября, в день своего рождения, Соня ушла из дома, не дождавшись родительских поздравлений. Она бы, конечно, их услышала, уходи она из дома в обычное время. Но это был день ее командировки, выезжали они еще затемно, поэтому она из вредности не стала родителей беспокоить и требовать к себе внимания. Тихо оделась, стараясь не производить лишнего шума. Взяла термос с бутербродами, приготовленный мамой с вечера. И выскользнула из дома, еле слышно хлопнув за собой дверью.

Она вышла из подъезда с аккуратным кожаным рюкзачком за плечами и папкой с бумагами под мышкой. Постояла на ступеньках и, заметив служебную «Волгу», моргнувшую ей дважды фарами, поспешила к машине.

Соня быстро шла, пытаясь побороть неприятную горечь в душе от непривычно начавшегося дня. Ее дня! Дня, который

она всегда ждала большую часть года. Потом она внезапно подумала о том, что так, как было раньше, уже, наверное, никогда не будет. Все изменилось. Изменились ее родители, она сама, и изменилось все то, что ее окружало прежде. Белый свет не померк от этого, нет. Краски просто стали резче и грубее, утратив привычную мягкость полутонов. Ощущение было таким, будто ее вышвырнули нагой в белый свет, сорвав с нее посреди ночи теплое пуховое одеяло. И ощущение это, поначалу заставившее ее испуганно встрепенуться и растеряться, начало вдруг будоражить ее воображение.

– Ну и пусть! – сердито обронила Сонечка, бросив обиженный взгляд на окна родительской спальни. – Ну и пусть!..

Она еще не знала, выезжая со двора, что только что подвела жирную черту под своей прежней спокойной и размеренной жизнью и шагнула в бездну новой – полной опасности, лжи и предательства...

Глава 9

– Кажется, все! – Соня еще раз сверила по накладным количество коробок, устроенных на заднем сиденье и в багажнике. – Теперь можем ехать. Как думаете, до темноты успеем?

– Как дорога, – философски изрек водитель. – Можем успеть, а можем и не успеть...

Соня недоверчиво покосилась на флегматичного малого, который за весь путь не произнес и десятка слов, села с ним рядом и, как только машина тронулась, прикрыла глаза. Спать ей совсем не хотелось. Хотелось подумать, может, немного помечтать. О сегодняшнем вечере, о подарках, которые ее будут ждать дома. О том, что родители ее наверняка измучились от угрызений совести за собственный эгоизм. Замуж, видите ли, им приспичило ее отдать. Подумать только! Им нужно уехать, а она из-за этого должна лишаться свободы. Устроили тут матриархат, понимаешь. Когда захочет и за кого захочет, тогда и выйдет.

А захочет ли?.. Соня обеспокоенно заворочалась на сиденье. Может быть, в родительской озабоченности и есть что-то резонное? Возможно, они и правы...

– Эй, проснись, что ли!..

Кто-то настойчиво тряс ее за плечо и орал в самое ухо. Соня открыла глаза и поразилась сумеркам, надвинувшим-

ся на стекла их служебной «Волги». Кажется, она все-таки уснула.

– Мы что, уже приехали?

– Да если бы! – озабоченно пробормотал водитель. – Где-то впереди крупная авария. Стоим уже с полчаса. Ты бы это...

– Что? – Соня видела, что он от чего-то смущается.

– Тут место одно метрах в пяти... Я там всегда останавливаюсь для наших... Склад там какой-то, что ли, заброшенный, я не знаю, но всегда там торможу, когда попросят.

– Так я не прошу, – все еще никак не могла понять Соня, что ему от нее понадобилось.

– Ну, как хочешь! – вдруг непонятно с чего вспылил немногословный водитель. – Не просишь, значит, не просишь! А когда попросишь остановиться, я не остановлюсь! А битые машины еще, может, часа через два разгребут! Сиди, коли тебе еще не приспичило!..

Тут только до нее наконец дошло, отчего он так смущен и озабочен одновременно. Она коротко улыбнулась и примирительно пробормотала:

– А далеко до этого вашего места, где вас все просят остановиться?

– Да нет, – водитель вытянул вперед руку и ткнул в левый край ветрового стекла. – Видишь, посадка кончается?

– Вижу.

– Так вот там поворот заасфальтированный. Пройдешь

метров пять. Там строение. Найдешь, если не будешь сидеть еще час. Пока что достаточно светло. Ступай.

Соня Перова впервые была послана своей начальницей в такую поездку. Негласные соглашения между командированными и водителями ей были неизвестны. Туалетов на этой трассе ей не встретилось ни разу, включая заправочные станции. Поэтому она сочла за благо послушаться опытного водителя, изъездившего эту дорогу не одну сотню раз. Раз уж он так предусмотрителен, почему бы ей не воспользоваться вынужденной остановкой.

Она вышла из машины и минут пять разминала затекшие от долгого сидения ноги. Потом глотнула промозглого осеннего воздуха, перенасыщенного выхлопными газами застрявших в пробке автомобилей, и медленно пошла в том направлении, куда ей указали.

Поворот был действительно асфальтированным. И строение, больше напоминавшее ангар для самолетов, тоже нашлось. Соня взяла курс на самый дальний угол и, внимательно глядя себе под ноги, пошла туда.

Когда она вернулась, водителя в машине не было. Он стоял метрах в десяти от их «Волги» и курил с другими такими же несчастными, которым довелось застрять сегодняшним днем на дороге. В ее сторону он даже не посмотрел, а продолжил о чем-то оживленно спорить.

Соня села на свое место, захлопнула дверь и спустя пять минут снова задремала. Очнулась она уже у самых ворот их

фирмы. До конца рабочего дня оставалось совсем немного времени, и водитель суетливо объяснялся с охранником, разворачивая перед ним путевой лист и командировочное удостоверение. Шлагбаум был поднят. Они въехали на территорию и через несколько минут тормозили у складского помещения.

Вот тут-то и началось самое интересное. То самое, что изрядно подпортило Соне настроение, в котором она пребывала, предвкушая вечернее застолье с родителями. Перво-наперво куда-то запропастилась кладовщица. Соне пришлось пробегать в ее поисках минут пятнадцать, пока наконец та соизволила явиться. Потом выяснилось, что грузчиков нет и выгружать технику из машины им придется самим. Водитель начал медленно наливать раздражением и через слово чертыхаться, то и дело натываясь на бестолковые Сонины попытки помочь ему.

– Шла бы ты!.. – не выдержал он наконец, в очередной раз наступив ей на ногу. – Посиди в сторонке. Разгрузусь уж как-нибудь...

Соня притихла на каком-то ящике, от досады на самое себя и дурацкие обстоятельства едва не заплакав. Потом, благоразумно рассудив, что этот вариант их прибытия еще не самый худший, она успокоилась и принялась терпеливо дожидаться водителя.

– Все! Кажется, все, – водитель протянул ей накладные. – Эти бумаги сдашь завтра. Шурка-кладовщица сказала, что

такой порядок. Чего-то там еще надо оформлять, я не знаю. Ты чего такая кислая? Устала?

– Да немного, – Соня аккуратно свернула бумаги и спрятала их в папке.

– Давай подвезу тебя. Мне все равно на заправку надо. Давай, давай, мне не в тягость.

Они снова уселись в служебную «Волгу» и уже менее чем через двадцать минут тормозили у ее подъезда.

– Спасибо вам! – Соня закинула лямки рюкзака себе на плечо, обхватила папку руками и улыбнулась водителю. – Счастливого вам пути!

– И все?! – Он как-то так странно посмотрел на нее. – Так и пойдешь?

– А-а... как я должна пойти? – она ровным счетом ничего не понимала. Мелькнула даже шальная мысль – дать ему денег за доставку к самому подъезду. Но водитель снова удивил ее, пробормотав:

– Вот молодежь без памяти сейчас пошла, а! Коробку-то свою мне, что ли, решила оставить?

– Какую коробку?! – Соня испуганно моргнула. Не было у нее никакой коробки и быть не могло. – Вы что-то путаете, наверное...

– Ага, наверное! – комично передразнил он ее и полез из машины. – По накладным сколько было коробок, помнишь? Соня назвала.

– Правильно, молодец. А выгружать стали – одна лиш-

няя, – продолжая бубнить себе под нос, водитель достал с заднего сиденья какой-то сверток. – На вот, и голову мне не морочь. Некогда мне тут глупыми разбирательствами заниматься. И вещь чужая в тачке ни к чему. Прикажешь мне еще через ворота с ней проезжать? Ладно, бывай, поехал я...

Он сунул ей в руки сверток и, не дав опомниться и хоть что-то возразить, укатил, на прощание мигнув габаритами.

Вот тебе и здрасьте! Соня растерянно вертела в руках сверток, совершенно не имея представления, что ей с ним делать. Она положила его на скамейку у подъезда и попыталась рассмотреть в свете, льющемся из окон. Помогло это мало.

Бумага, в которую было завернуто что-то твердое, правильной прямоугольной формы, вымокла. Разобрать, что именно на ней написано, было невозможно. Ноябрьский день короток, наступление ночи стремительно, а рассеянный свет из окон – слабое подспорье. Поэтому Соня аккуратно развернула бумагу и, не делая попыток что-либо прочитать, сунула ее в карман. Теперь ей предстояло осмотреть содержимое коробки.

Сама коробка напомнила ей футляр от их серебряного столового набора. Правда, эта была несколько больших размеров и еще к тому же запиралась на ключ, который, разумеется, приложить к коробке забыли.

Промучившись какое-то время с замком, но так и не отомкнув его, Соня решительно сунула коробку в свой рюкзак

и почти бегом двинулась к подъезду...

Глава 10

Кирилл внимательно оглядел себя в зеркале, оценивая свой новый облик. Довольно хмыкнул и выключил свет в прихожей.

Через три минуты из квартиры, которую ему сдали по смехотворной цене, вышел респектабельный молодой человек, узнать в котором студента с огромным баулом за плечами было совершенно невозможно. Длинный черный плащ. Брюки со стрелками, белая рубашка и аккуратный узел галстука. Густые черные волосы уложены волосок к волоску. Щегольские очки на переносице. И кейс в руках, неизменный атрибут делового человека. Сегодня он был именно таким. Таким ему захотелось сегодня предстать перед Азиком. Что они увидятся именно сегодня, он не сомневался. Вчера вечером ему сообщили точный адрес этого молодого прохвоста.

Это оказалось не таким уж простым делом. Даже для него... Но адрес тем не менее нашелся. И стоило это ему всего-то ничего – сотню баксов.

Кирилл оказался прав. Азик успел наследить и в этом городе. И обиженных, и брошенных им женщин оказалось более чем достаточно. И каждую этот идиот считал собственным долгом притащить к себе в квартиру, уложить в свою кровать.

Непрофессионально! Кирилл презрительно скривил гу-

бы, заходя в лифт и приветливо улыбаясь двум женщинам, вошедшим в кабину следом за ним. Если захотел соскочить с товаром, зачем же было так следить?

Азик наследил. Наследил по-крупному. Мало ему было брошенных им баб, так он еще и товаром начал приторговывать! Товаром, который принадлежал не ему, а его хозяевам. Товаром, который ему надлежало доставить еще с месяц назад по месту назначения. Он не доставил. Долго отзванивался, ссылаясь на какие-то идиотские причины. Ему верили до определенного предела. Потом большие парни рассердились. Именно их приговор должен был привести в исполнение Кирилл сегодня.

Получив задание, Кирилл долго недоумевал. Как можно было так облажаться?! То ли у этого Азика совершенно было плохо с мозгами, то ли он просто наглец, каких мало. Неужели думал, что весь его беспредел сойдет ему с рук?! На что, собственно, он надеялся? Ну да ладно. Не его это головная боль. Все, что Кириллу было нужно, так это стребовать с идиота деньги, остатки товара, а затем постараться очень тихо его нейтрализовать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.